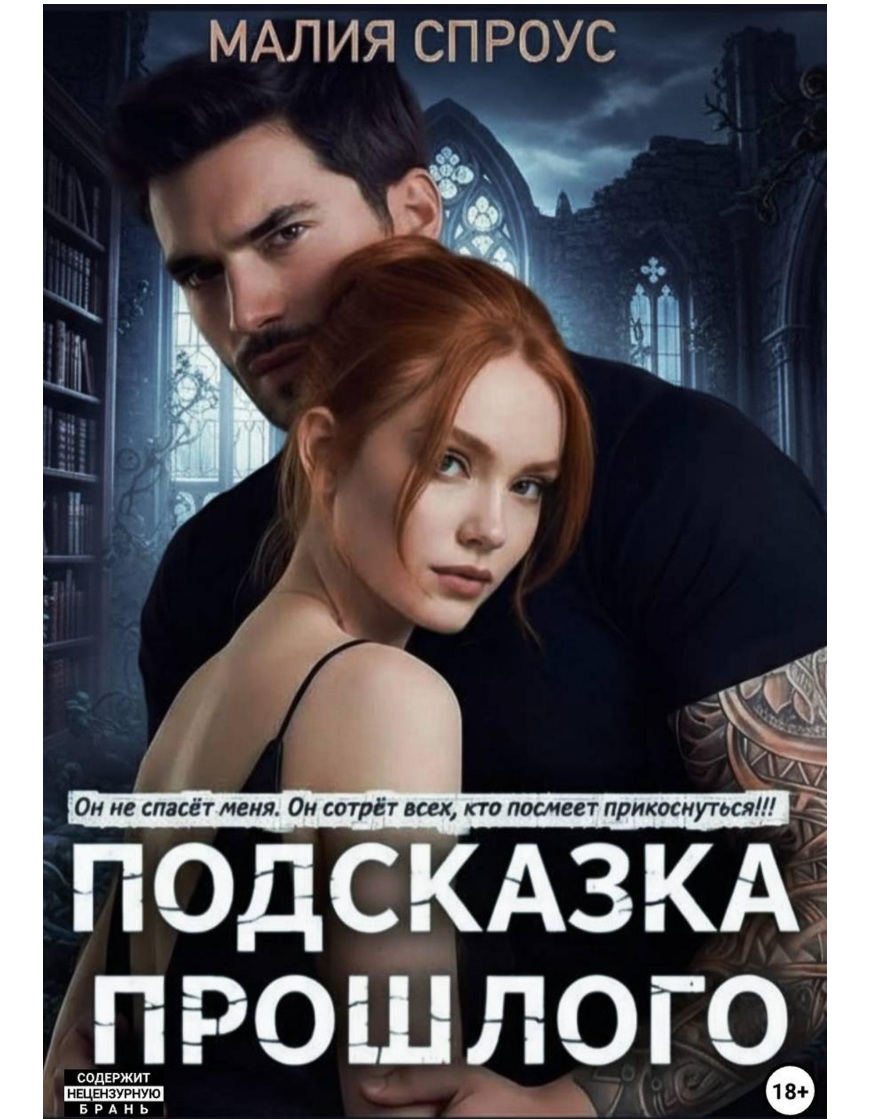

The poster features a man with dark hair and a mustache, and a woman with long red hair, both looking intensely at the viewer. They are in a dark, gothic-style interior with bookshelves and large windows. The man has a large, ornate tattoo on his right arm.

МАЛИЯ СПРОУС

Он не спасёт меня. Он сотрёт всех, кто посмеет прикоснуться!!!

ПОДСКАЗКА ПРОШЛОГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Малия Спроус

Подсказка прошлого

<https://litres.ru/74173128>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я не сломалась. Я замолчала».

Когда предает тот, кому верила больше жизни, доверие умирает. И самое страшное — ты перестаешь верить не только людям, ты начинаешь бояться самой себя.

Рейна была ребенком, когда ее забрали. Девочкой, которая наивно полагала, что худшее уже позади. Но настоящий кошмар ждал впереди. Он пришел с чужим криком и плотью. С тенью, которая выжгла внутри нее абсолютную пустоту.

Сможет ли та, что потеряла всё, вернуть свой голос? И что скрывается в темноте, которая теперь живет внутри нее?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	47
Глава 4	57
Глава 5	78
Глава 6	91
Глава 7	110
Глава 8	133
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Малия Спроус

Подсказка прошлого

Малия Спроус «
Подсказка прошлого»

Пролог

Я появилась на свет не ради счастья. Мир, в который меня втолкнули, был холоден, как сталь свежезаточенного клинка. Мать смотрела на меня как на досадную ошибку, отец — как на удобный инструмент в своих играх. Шрамы украшают моё тело, но самые уродливые и глубокие скрыты внутри.

Цербер. Хищный, опасный, манящий. Я совершила глупость — впустила его в своё израненное сердце, и он разорвал его без пощады.

Я осталась одна. С памятью о тех, кто должен был защищать, но вместо этого разрушил до основания. С болью от того, кто должен был любить, но предал. Сломанная. Опустошённая. Исписанная ранами, словно чужой черновик.

Смогу ли я снова собрать себя по осколкам? Смогу ли научиться не просто судорожно дышать, а жить? Это история не о любви. Это история о выживании.

Он подходит слишком близко. Каждый шаг этого мужчины отзывается во мне животным ужасом. Я отступаю, пока лопатки не упрутся в холодную кладку стены. Оглушительный стук собственного сердца бьёт по барабанным перепонкам — оно отчаянно хочет вырваться наружу.

— Не надо... — выдыхаю я, инстинктивно скрестив руки на груди, пытаюсь защититься, закрыться.

— Боишься? — его голос звучит почти шёпотом, но этот низкий, бархатистый рокот прошивает насквозь. От его интонации по коже пробегает волна глухого, предосудительного жара. Словно он касается меня, даже не протягивая рук.

— Да, — признаюсь, потому что лгать ему бесполезно.

Ронан смотрит внимательно, гипнотизируя взглядом хищника. Шаг. Ещё один. Пространство между нами стремительно тает, пока он не вырастает вплотную, лишая меня кислорода. Тяжёлая ладонь с глухим стуком ложится на стену прямо над моей головой, запечатывая в ловушке.

Я сжимаюсь, чувствуя, как предательски дрожат губы. — Уходи. Голос подводит — звучит слабо, жалко, без капли нужной злости.

Конечно, он не уходит. — Ронан... я не могу. Мне страшно.

— Тогда не думай. Чувствуй.

Его пальцы медленно, едва ощутимо проводят по моей щеке. Чужое тепло обжигает. Я вздрагиваю, внутри всё кричит: «Беги!», но тело словно парализовало. Я не отталкиваю его.

— Твоё тело хочет этого. Я вижу. Слышу. Чувствую, — горячее дыхание опалает ухо, заставляя внутренности скручиваться в тугой узел.

Я трусливо отвожу взгляд. Мой мир с треском колеблется между отчаянным спасением и полным падением.

— Если я сделаю шаг — ты остановишь меня? — Ронан

ловит мой взгляд, заставляя смотреть только на него. Замираю, боясь пошевелиться.

Его пальцы скользят вниз, опускаются к запястью. Кожу покалывает от этого неторопливого, изучающего прикосновения. Он словно нащупывает те самые невидимые шрамы, проверяя, где именно я сломаюсь окончательно. Я пытаюсь вырваться, но его хватка лишь крепнет.

— Я не дам тебе сбежать, Рейна. Не в этот раз, — в его низком голосе звенят стальные ноты, не терпящие возражений. — Можешь дрожать. Можешь плакать или злиться. Но ты останешься. Со мной. Здесь.

— Ты сделаешь мне больно, — мой голос звучит глухо, сдавлено, сквозь подступающие к горлу слёзы.

Ронан смотрит прямо в глаза — жёстко, прямо, без фальшивых обещаний и утешений.

— Мы не в сказке, девочка. Будет больно. Но потом... тебе понравится.

Словно от ледяного ожога, я резко выдёргиваю руку: — Тогда нет. Я не хочу.

Он делает последнее, решающее движение вперёд, полностью перекрывая мне обзор на комнату. — Уже поздно, — этот глубокий, утробный рык я чувствую кожей.

Паника затапливает сознание, я до боли вжимаюсь спиной в камень. Но он не хватает меня, не применяет силу. Он просто стоит невыносимо близко. Ждёт. Словно наперёд знает: я могу сколько угодно кричать своё «нет»... но моё тело уже

сделало выбор в его пользу.

И это самое жуткое. Потому что я знаю — он чертовски прав.

Глава 1

Ночью — официантка в месте, о котором приличные люди боятся говорить вслух. Нью-Йорк называют городом свободы. Но для меня он стал самой охраняемой тюрьмой.

В свои двадцать один я успела усвоить главное правило этого мира: люди ничтожны, и почти каждому от тебя нужна лишь выгода. Искренность здесь — непозволительная роскошь. Я родилась среди жестоких, выросла среди наркоманов и убийц, и только сейчас, наконец учусь дышать полной грудью.

Те, кто видят дом, в котором я снимаю угол, брезгливо кривят губы: полуразрушенный фасад, криминальный район, страшная улица. Но они просто не жили в тесной подсобке, за стеной которой каждую ночь устраивались кровавые разборки. По сравнению с тем адом эта квартира — моя личная крепость.

Каждое утро здесь начинается одинаково: в подъезде кто-то надрывно орет, бьет кулаками в стены или ломает чужие челюсти. Я больше не вздрагиваю. За годы эти звуки превратились в обычный белый шум, к которому привыкаешь так же легко, как к гулу машин в центре мегаполиса.

Сделав глоток дешёвого, обжигающего кофе из кружки с отбитым краем, я перевожу взгляд на окно. Серое небо за стеклом выглядит таким же уставшим, как и я сама. На гряз-

ном тротуаре внизу уже собирается привычная публика: подростки с пустыми, стеклянными глазами, мелкие барыги и потерянные души, ищущие дозу.

Моя жизнь делится на две части. Днем я обычная невидимка.

Снаружи наше заведение выглядит как заброшенный промышленный склад на окраине. Но внутри открывается совсем другая вселенная, сотканная из азарта, чужого пота и крови. Подпольные бои. Здесь собираются мужчины с разбитыми в месиво лицами и холеные женщины, в чьих глазах холода больше, чем в январском ветре.

Лавируя между рядами полубезумных от адреналина зрителей, я разношу подносы с крепкой выпивкой. Эти люди ставят огромные деньги на чужую боль, и никто из них не задумывается, каково это — падать на бетонный настил и не находить в себе сил подняться.

Но я думаю. Каждый раз, встречаясь взглядом с бойцами на ринге, я вижу в них собственное отражение. Ту же злость. Тот же затаенный страх, одиночество и бешеное, дикое желание доказать, что ты еще жив. Что ты не просто тень, которую этот город сожрет и не поморщится.

Мои бои ничем не отличаются от их поединков. Разница лишь в том, что я бью не кулаками, а ледяным молчанием, а моя кровь превращается в слезы, которые я давно научилась намертво запирает внутри.

Я не ходила в школу. Ни единого дня. Пока обычные дети

мечтали прогулять уроки, я засыпала с мыслью о том, чтобы просто посидеть за настоящей партой. Но у меня не было шанса. Мой конченный отец приложил к этому все усилия. Он сделал всё, чтобы навсегда запереть меня в своем персональном чистилище — без образования, без будущего, с телом, изуродованным шрамами. Самые страшные и глубокие остались на спине. Мое личное, неизгладимое клеймо.

Отец любил повторять, что я ни на что не годна. Что предел для такой дряни, как я, — это темный подвал, вечный страх и абсолютная тишина.

И какая же ирония кроется в том, что я до дрожи ненавижу компьютеры. Терпеть не могу эти холодные, бездушные машины с их бесконечными строками кодов и идеальной логикой, в которой нет ни капли человечности.

Но, чёрт побери, я в них чертовски хороша.

Отец сам научил меня всему. Он ломал мои пальцы и бил до посинения до тех пор, пока я не научилась безупречно взламывать любые пароли, подчищать следы и собирать по крупицам чужие жизни из хаоса нулей и единиц. Это было его криминальным заработком.

А я была его идеальным инструментом. Послушным. Эффективным. Молчащим.

Теперь я могу вскрыть любой ноутбук так же легко и буднично, как жестяную банку с консервами. Могу вывести на чистую воду самого изворотливого ублюдка, могу полностью стереть человека из сети всего за пару минут.

И мне от этого тошно.

Я отчаянно хотела быть свободной, а вместо этого стала заложницей в игре, правила которой понимаю слишком хорошо.

— Ренайра, отнеси поднос к угловому столику, — негромкий голос Нэйти выдергивает меня из паутины мыслей. Он протягивает мне поднос, на котором исходят паром начос и опасно покачиваются два тяжелых бокала с янтарным виски.

Я молча киваю и забираю заказ, начиная лавировать между разгоряченными телами. Приходится балансировать, пробираясь сквозь гул сотен голосов, пронзительный свист и глухие звуки ударов, долетающие со стороны ринга. Но даже в этом хаосе голос босса всегда звучит для меня как-то... домашнему.

Нэйт — лучшее, что случилось со мной в этой жизни. Когда я сбежала от отца и никто в этом проклятом городе не хотел даже смотреть в мою сторону, он не стал задавать лишних вопросов. Не выпытывал секреты моего прошлого. Он просто протянул мне фартук и сказал: *«Ты не слабая, девочка. Просто мир к тебе был чертовски несправедлив»*. С тех пор он заменил мне отца, которого у меня никогда не было. Нэйт — единственный во всем Нью-Йорке, кто знает, от кого именно я прячусь.

Внешне он напоминает добродушного громилу из старых мультфильмов: вечная застиранная майка, мягкий голос и спокойные, мудрые глаза, в глубине которых всегда можно

отыскать тепло. Но это тепло — только для своих. Если кто-то посмеет обидеть «его людей», Нэйт мгновенно превращается в бешеного зверя. Я до сих пор помню, как он без единого слова сломал руку ублюдку, ударившему девчонку-посудомойку. А потом спокойно вытер кровь с пола и бросил: *«Не потерплю уродов в своем заведении»*.

Рядом с ним я чувствую себя в безопасности. Почти как дома. Если бы у меня, конечно, когда-нибудь был настоящий дом.

— Привет, огненная девочка, — тихий шорох за спиной заставляет меня напрячься, но ладонь Арии замирает в паре сантиметров от моего плеча. Она не дотрагивается. Она единственная, кто помнит: чужие прикосновения вызывают у меня паническую атаку.

Ария — моя подруга и по совместительству дочь Нэйта. Упрямая, невыносимая, острая на язык и безумно красивая. Нэйт, разумеется, был категорически против того, чтобы его единственная дочь работала в криминальном гадюшнике. Но спорить с Арией — себе дороже. Она твердо решила быть рядом со мной, и точка. Наш маленький тандем здесь уважают: завсегдатаи знают, чья она дочь, поэтому никто не рискует распускать руки.

— Привет. Ты чего опоздала? — я возвращаюсь за стойку и принимаюсь составлять грязные стаканы в пластиковый ящик, попутно пряча под столешницу дорогую выпивку. Скоро начнутся главные бои, и зал превратится в безумное

месиво. Лучше убрать бьющееся стекло заранее.

— Не поверишь... — Ария сбрасывает на стул легкое пальто. По её восторженному, блестящему взгляду я сразу понимаю: по дороге сюда что-то произошло. — Я встретила такого парня! Представляешь, он сам вызвался проводить меня до переулка. Настоящий джентльмен.

— И?

— Что «и»? Отшила, конечно, — она фыркает, поправляя волосы. — Ты же знаешь, я жду своего принца. Желательно без криминального шлейфа.

— Ну, в таком случае, будем ждать его вместе, — я отправляю последний бокал в раковину, стараясь унять внезапно подступившую тревогу.

Воздух в помещении сгущается, оседая на губах привкусом пота и дорогого табака. Напряжение в зале растет с каждой секундой. В эту минуту цивилизованные с виду мужчины сбрасывают маски и превращаются в хищников, готовых к зрелищу.

Ария прислоняется спиной к стойке, её лицо оказывается в тени, но глаза лихорадочно блестят. Она, в отличие от меня, любит этот адреналин. Она чувствует себя частью этой опасной игры. А для меня это просто очередная смена, которую нужно пережить.

— Ты уверена, что с твоим гипотетическим принцем не будет скучно после этого места? — спрашиваю я, кивая в сторону вип-ложи, где в полумраке скрываются фигуры в до-

рогих костюмах.

— Скучно точно не будет, — Ария оборачивается ко мне, и её улыбка становится чуть более серьезной. — Ладно, давай завязывать с разговорами и сосредоточимся. Ты же слышала гул? Прямо сейчас у ставочников под аркой горят телефоны. На этот бой выставили суммы в пять раз крупнее обычного.

Я перевожу взгляд на вход в главную арену. Там уже выстроились тёмные, монолитные фигуры брокеров. Их лица скрыты козырьками кепок, но взгляды остры и цепки, как охотничьи ножи. Это больше не просто местечковый мордобой. Это огромный теневой бизнес, где человеческая жизнь стоит не дороже щелчка пальцев.

— На кого ставят? — тихо спрашиваю я.

— На нового бойца, — Ария понижает голос, обводя глазами ревущую толпу. — Крупные игроки выложили за него безумные деньги. Если он упадет сегодня, половина этого зала потеряет всё. А такие люди, Рей, очень не любят проигрывать. Если начнется бунт, нам придется уносить ноги первыми.

Деньги здесь — не просто мотивация. Это эквивалент выживания. Каждый, кто делает ставку под этой аркой, понимает: проигрыш обойдется дороже наличных — он может стоять свободы. Крупные игроки не прощают фальстартов.

— Что будет с теми, кто поставил против этого парня, если он проиграет? — тихо спрашиваю я.

Ария едва заметно ведет плечом, но в глубине её глаз мелькает смутная тревога.

— В этой игре нет победителей, Рей, — отзывается она почти шепотом. — Есть те, кто держит банк, и те, кто выполняет приказы. Бойцы на ринге бьются не ради спортивного интереса. Они отрабатывают долги, платят за свои ошибки... или расплачиваются с теми, кому перешли дорогу.

— А ты? Готова сегодня поставить на кого-нибудь?

Она медленно поворачивает голову и смотрит на меня в упор:

— Я готова поставить на то, что всё может измениться в одну секунду. И если ты не умеешь просчитывать удары наперед, то здесь тебе не место.

В этот момент арена взрывается оглушительным, утробным ревом. Толпа скандирует имена, бьет кулаками по ограждениям и швыряет купюры, будто это последний поединок в их жизни. Но весь этот хаос внезапно стихает, стоит в проходе появиться новой фигуре.

— Это еще кто?.. — я прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть силуэт в полумраке.

Мужчина идет уверенно, неторопливо. На нем нет спортивной формы или куртки с символикой какой-либо уличной группировки. Только простая черная футболка, низко надвинутый капюшон и взгляд человека, который заранее знает, чем всё закончится.

Ария хмурится. Её натренированная интуиция явно бьет

тревогу:

— Я никогда не видела его здесь. Он не из наших.

— Тогда кто пустил его на ринг?

— Тот, кто рассчитывает сорвать сегодня безумный куш,
— в голосе подруги больше нет прежней легкости. Только колючее подозрение.

Возле стойки букмекеров начинается лихорадочное движение. Ставки взлетают. Появление новичка мгновенно ломает привычный баланс. Он двигается по рингу как хищник — спокойно, размеренно, оценивающе. Против него выставили одного из местных тяжеловесов, матерого ветерана с десятками кровавых побед за плечами. Зал уверенно гудит: выскочку снесут в первом же раунде.

Всё заканчивается через три секунды.

Один молниеносный, сокрушительный удар — и тяжеловес замертво рушится на настил. Его выносят с ринга под гробовое, оглушительное молчание зала. На мгновение в клубе воцаряется такая тишина, что становится слышно тяжелое дыхание брокеров.

— Это что... сейчас было?.. — выдыхаю я, замерев с полотенцем в руках.

— Это был манифест, — Ария не отрывает взгляда от ринга. — Этот парень пришел сюда не просто за чеком. Он пришел заявить свои права на это место.

Новичк медленно поворачивается к толпе. Его ледяной взгляд скользит по замершим лицам и внезапно... задержи-

вається на мене. Всього на долю секунди. Угроза? Провокація? Інтерес? Я не успеваю зрозуміти, але інтуїція підказує: ця ніч перечеркнула все, що було «до».

— Заметила? — Арія різко розворачивається до мене.

— Що саме? — я демонстративно опускаю очі і приймаюся з удвоєною силою терти ідеально чистий бокал.

— Він п'ялився на тебе, Рей.

— Не говори глупостей.

— Я серйозно! Може, справа в твоїх волосах? Вони ж буквально горять в цьому полум'язі.

— На них завжди все п'яляться, — бросю я через плече, намагаюся приховати тремтіння в руках.

Мій неестественно яскравий, вогняний колір волос завжди привертав занадто багато зайвого уваги. В дитинстві я не розуміла, в кого пішла — батьки були найзвичайнішими. Лише пізніше мати зізналася, що ховала свій справжній червоний колір під темною фарбою, намагаючись втекти від минулого. Що ж, класична історія. А я ось залишилася живою нагадуванням. Вогняною дівчинкою.

— У тебе потрясаючі волоси, дитина, — шепоче Арія і несподівано міцно, з силою обіймає мене з спини. — Не витримала, кристалик! — з сміхом додає вона, тут же випускаючи мене з об'яттів.

Я не ображаюся. Це ж Арія. Її ніжність завжди схожа на коротку вистрілку — раптова, різка, а через секунду вона знову включає режим колієчок. Але я знаю, що за цим

фасадом скрывается искренняя привязанность.

Зал снова оживает, взрываясь криками, звоном фишек и бьющегося стекла. Кто-то празднует легкие деньги, кто-то только что спустил последнее имущество. Привычная музыка этого ада.

Я послушно протираю стойку, но мысли крутятся вокруг одного и того же. *Он смотрел на тебя.* Бред. Я привыкла к сальным взглядам завсегдатаев, но в глазах этого незнакомца было что-то другое. Опасное. Оценивающее.

Поднимаю взгляд — и внутри всё замерзает.

Он стоит у противоположной стены, полускрытый густой тенью. И смотрит прямо на меня. Спокойно. Непроницаемо. В его позе нет наглости или дешевого съема. Он просто... изучает. Словно ищет во мне ответ на какую-то свою задачу.

Не выдержав этого давления, я закрываю кассу, убираю последние бутылки и ухожу в подсобку.

Когда-то Нэйт порывался забрать меня к себе, вырастить вместе с Арией, дать мне нормальную семью и чистую жизнь без страха. Но я слишком хорошо знала: мое прошлое — это ржавые кандалы. Шагни я в их дом, и шлейф отцовского криминала накрыл бы и их. Я отказалась. Нэйт не стал спорить. Он просто молча протянул мне ключи от этой самой подсобки, притащил старую кровать, лампу и сказал: *«Сделай это место своим»*. С тех пор подсобка осталась моим личным убежищем, хотя позже, скопив денег, я всё же сняла отдельный угол.

Закинув рюкзак на плечо, я выхожу через черный ход в прохладную нью-йоркскую ночь. Машу на прощание старому Джиму на охране, и тот, не отрываясь от телефона, вяло кивает в ответ.

При виде своего байка, припаркованного у кирпичной стены, я наконец перевожу дыхание. Скорость — мой единственный доступный наркотик. Мой способ вытрясти из головы лишние мысли и заставить замолчать внутренних демонов.

Я до сих пор помню свое восемнадцатилетие, когда Нэйт с широкой, непривычной для него отцовской улыбкой вручил мне эти ключи. Тогда я впервые подумала, что счастье существует. Правда, теперь он наверняка об этом жалеет. К ключам прилагались уличные гонки. Опасные, дикие заезды без правил на окраинах города, где на кон ставится не только выигрыш, но и собственная жизнь. Так я зарабатываю на свою настоящую мечту. Медленно, собирая новые шрамы на коленях, но двигаясь вперед.

Перед каждым заездом Нэйт ругается со мной до хрипоты, а потом тяжело вздыхает и просит: *«Только будь осторожна, Рей»*. И я всегда послушно киваю, хотя знаю — осторожность мне не по карману.

Я натягиваю шлем, завожу мотор, и глухой, мощный рев раскатывается по пустынному переулку, забирая с собой остатки дневной усталости.

Пора домой.

Моя квартира находится на четвертом этаже старой, обшарпанной многоэтажки. Загнав байк в гараж к понимающим соседям, которые никогда не задают лишних вопросов, я поднимаюсь по темной лестнице.

Ключ со скрипом проворачивается в замке. Дверь тяжело поддается, открывая вид на темный, пустой коридор. Время первый час ночи. У меня не осталось сил даже на душ. Я не обедала и не ужинала, а в холодильнике гуляет такая пустота, что впору завывать от отчаяния.

Напившись холодной воды прямо из-под крана, я на ходу сбрасываю одежду и пластом падаю на кровать. Тяжелый, глухой сон без сновидений накрывает меня мгновенно, становясь моим единственным спасением.

Глава 2

Ренайра, 15 лет.

— Пожалуйста... пустите... мне больно... — я шепчу, едва сдерживая крик, когда чужие грубые пальцы с силой вцепляются в мои волосы и тянут назад.

Я отчаянно пытаюсь вырваться, ухватиться ногтями хоть за что-то, но они намного сильнее. Следующий рывок — и меня швыряют на пол. Равнодушно. Как ненужную, отработанную вещь.

Вместе с судорожным вздохом в легкие забиваются дорожная пыль и привкус собственной крови. Кое-как подняв голову, я натыкаюсь взглядом на стоящего передо мной мужчину. Он пугает до тошноты. Он выглядит как сама тьма, запертая в человеческом теле. Его лицо искажено такой глухой злобой, словно весь мир однажды предал его, и теперь он мстит за это первому встречному. В данный момент — мне.

— Рыжая бестия, — цедит он сквозь зубы, брезгливо разглядывая меня. — Ненавижу рыжих. Они всегда конченные.

Я молчу. Не потому, что я смелая или гордая. Меня просто парализует дикий, животный страх. Кажется, если я открою рот, израненное сердце просто выскочит наружу.

— Знаешь... — продолжает он с мерзкой усмешкой, — я даже рад, что твой отец так крупно облажался. Нашлась хорошая игрушка. Маленькая. С характером. Мне такие нра-

вятся.

Он делает шаг ближе. Я не шевелюсь. Только обреченно смотрю на носки его тяжелых ботинок.

— И для тебя, — шепчет он почти ласково, отчего вдоль позвоночника продирает мороз, — у меня есть одно особенное местечко.

Меня грубо выволакивают из комнаты и заталкивают на заднее сиденье машины. Без лишних слов, словно мешок с мусором. Намертво впившись пальцами в колени, я заставляю себя не плакать. Слезы — это слабость. А слабость в нашем мире стоит слишком дорого.

Старый седан долго трясется по разбитой дороге, пока наконец резко не тормозит. Обрывисто щелкает замок. Дверь распаивается, и меня снова выдергивают наружу, больно перехватив локоть железной хваткой.

Я поднимаю глаза. Перед нами стоит дом. Старый, с облупившейся краской на фасаде, но... в нем теплится жизнь. Маленький аккуратный двор, окруженный высоким забором. Этот дом мог бы показаться почти милым, если бы я не знала, кто именно меня сюда притащил.

Я стою посреди двора, как вымокший котенок, которого только что выловили из грязной лужи. Молчу. Просто судорожно дышу и жду, какой приговор мне вынесут дальше.

Мой конвоир делает два размашистых, громких удара в тяжелую деревянную дверь. Она распаивается почти мгновенно.

На пороге вырастает парень. Высокий, широкоплечий, с породой человека, который с самого детства учился держать удар. На нем темная толстовка и серые спортивные штаны. Похоже, его только что разбудили: темные волосы торчат в разные стороны, а на лице застыли крайняя усталость и раздражение.

Он смотрит на меня. А я — на него. Я не знаю, кто он такой и зачем меня привезли к его порогу, но в эту секунду мне становится еще страшнее, чем в машине.

Парень переводит взгляд на мужчину, удерживающего меня за руку. Его брови сходятся на переносице. Он молчит, но я отчетливо вижу, как под его кожей закипает сдержанная, опасная ярость.

— Что тебе надо? — его голос звучит глухо, напоминая раскаты далекого грома. Он не спрашивает — он рычит. Так говорят те, кто не привык повторять свои приказы дважды.

Мужчина лишь небрежно дергает плечом, демонстрируя полное равнодушие:

— Твой отец позже наберет. Сказал — «эту» отправить к тебе.

Парень нахмуривается еще сильнее, в глазах вспыхивает опасный огонек:

— Зачем?

— Без понятия. Мне приказали — я привез. Забирай.

Одним резким движением мужчина толкает меня вперед, в спину.

Я не успеваю удержать равновесие и с тихим вскриком падаю прямо к ногам незнакомца. Ладони обжигает холодный пол веранды, косая ссадина на колене мгновенно отзывается острой болью. Медленно поднимаю голову.

Он смотрит на меня сверху вниз. Без капли жалости. Так смотрят на что-то случайно раздавленное на пороге. Как на таракана, которому чудом повезло выжить после первого удара.

За спиной раздается скрежет автомобильных шин — мой мучитель уезжает. Дверь дома захлопывается с тяжелым, глухим стуком, отрезая путь назад. Я остаюсь одна. С ним.

Я замираю на полу, боясь сделать даже вдох. Внутри всё ходит ходуном от крупной дрожи, но внешне я стараюсь казаться каменным изваянием.

Парень молча изучает меня еще несколько секунд. А затем резко разворачивается и направляется вглубь дома. На полпути он замирает и, не оборачиваясь, бросает с ледяным безразличием:

— Зайди и закрой чертову дверь.

Его шаги стихают в соседней комнате.

Я поднимаюсь. Медленно, механически, преодолевая сопротивление собственного онемевшего тела. Захожу внутрь и притягиваю к себе тяжелую створку. Сухой, резкий щелчок дверного замка бьет по ушам в наступившей тишине.

И именно в этот момент до меня впервые доходит: это не спасение. Это только начало.

Я остаюсь стоять у двери. Без движения. Как будто выросла в половицы. Не знаю, куда идти, что делать и как правильно дышать. Проходит двадцать минут, может, полчаса. Ноги давно затекли, но мне кажется, что если я сделаю хотя бы шаг, мой мир окончательно разлетится на осколки.

Скрип половиц заставляет меня вскинуть голову. Он выходит из комнаты. Останавливается напротив и смотрит на меня так мрачно, словно я своим присутствием нарушила какой-то фундаментальный закон его личного пространства.

— Ты собираешься простоять там всю ночь? — его голос сухой, колючий. В нем нет ни единого намека на сочувствие к испуганному подростку.

Я сильнее сжимаю плечи, пытаюсь казаться как можно меньше.

— А куда мне идти?

Он равнодушно качает головой:

— Куда угодно.

Я всматриваюсь в его непроницаемое лицо, ловя безумную надежду:

— Я могу уйти? Совсем?

Парень опасно прищуривается, и в его взгляде словно щелкает невидимый предохранитель.

— Слишком умная, да? — его тон падает на несколько октав, становясь по-настоящему зловещим. Он делает стремительный шаг в мою сторону. — Зайди в комнату. И не зли меня, девчонка.

Я подчиняюсь без единого звука. Шагаю в темноту указанной комнаты, словно переступаю черту между прошлой жизнью и этим новым кошмаром. За спиной слышатся его удаляющиеся шаги.

Я остаюсь одна в чужом, огромном доме. Здесь слишком тихо. Слишком темно. И невыносимо страшно.

Опустившись на край жесткой кровати, я поджимаю колени к груди. Сжимаю пальцы в кулаки с такой силой, что ногти до крови впиваются в кожу — лишь бы сдержать нарастающую истерику.

Вдруг из глубины коридора доносится глухой звук. А затем — яростный, оглушительный крик.

Он орет на кого-то по телефону. Его голос натянут, как стальная струна, под которой ворочается что-то первобытное, темное, готовое разорвать любого, кто окажется рядом.

Дверь моей комнаты с грохотом распахивается. Парень влетает внутрь, абсолютно не замечая моего присутствия. Он сжимает мобильный в кулаке с такой силой, что его костяшки побелели до синевы. В глазах полыхает безумное, неконтролируемое пламя.

— Ты какого чёрта творишь?! — рычит он в трубку, и от этого звука у меня перехватывает дыхание. — И куда мне теперь, блядь, ее девать?!

Ответ на том конце провода его явно не устраивает. С диким рычанием он со всей силы швыряет телефон в противоположную стену.

Оглушительный треск. Хруст пластика. Разлетающиеся осколки экрана.

Я испуганно вздрагиваю и сжимаюсь в плотный комок, чувствуя, как сердце подскакивает к самому горлу. От звука удара его тяжелый, хищный взгляд резко перекидывается на меня.

Секунда. Долгая. Ледяная. Пропитанная чистым ужасом. Он смотрит на меня так, словно готов выжечь душу до самого основания. Этот взгляд оседает на мне неподъемным свинцовым приговором. Парень издает еще один утробный, почти нечеловеческий рык, круто разворачивается и вылетает прочь.

Дверь захлопывается за его спиной с такой силой, что стены дома ощутимо содрогаются.

Я снова остаюсь одна. В абсолютной темноте. С гулким, пульсирующим эхом его ярости в ушах и крупной, неуправляемой дрожью, медленно расползающейся по телу.

*** *Настоящее*

Неделя расползается в липком тумане. Впрочем, всё мое существование давно стало бесформенным и блеклым. Десять утра. Я с трудом открываю глаза и перевожу взгляд на окно. Внизу, на заплеванном тротуаре, снова раздается привычный вой: кто-то орет, швыряя проклятия в серую пустоту подворотни. Я даже не морщусь. Мой мир слишком давно перестал меня ранить.

Телефон в руке коротко вибрирует. Экран загорается ко-

ротким сообщением от Дамида: «Перезвони». Послушно набираю его номер.

— Да, — голос на том конце провода звучит резко, отрывисто.

— Ты просил набрать. Всё нормально?

— Ренайра... С добрым утром, — в его тоне проскальзывает тяжелая усталость. — Ты сегодня будешь на гонках?

— Если заезд состоится — значит, буду.

— Я уже записал тебя.

— Поняла. Приеду.

— Жду в восемь.

Сбросив вызов, я устало роняю мобильный на тумбочку. Дамид — странный друг. Точнее, просто человек, который волей случая оказался рядом три года назад. Но за последний год он стал... другим. В его словах появилось слишком много двусмысленных намеков, его шаги стали слишком близкими. Я не отвечаю на это. Никогда. И только Ария знает истинную причину моей холодности.

Любые прикосновения для меня — изощренная пытка. После того, что случилось в моем прошлом, кожа превратилась в сплошной оголенный нерв. Никто не должен ко мне приближаться.

Тот странный парень из клуба больше не появлялся на ринге. И всё же... мысли о нем упорно не желали оставлять меня в покое. Они крутились где-то на самой периферии сознания, напоминая глубоко засевшую занозу, которую невоз-

можно достать.

Я принимаю ледяной душ, безуспешно пытаюсь смыть с себя это вязкое чувство пустоты. Распахнув шкаф, на автопилоте достаю белый топ, короткие шорты, больше похожие на плиссированную теннисную юбку, и накидываю сверху тяжелый кожаный бомбер. Я ничего не чувствую. Всё происходящее кажется движением по инерции.

На работу приезжаю, почти не замечая дороги. Припарковав мотоцикл на привычном месте в переулке, захожу внутрь клуба.

— Привет, Ренайра, — Нэйт тепло улыбается мне из-за стойки.

— Привет, — отзываюсь рассеянно. Сгрузив рюкзак на полку подсобки, я послушно встаю на смену.

— Как ты? — внимательно спрашивает он.

— Всё хорошо, — отлетает от зубов автоматический, заученный ответ.

— Ария сейчас на парах в университете. Скоро должна быть здесь.

— Поняла.

Я привычно принимаюсь за работу: собираю пустые стаканы, передаю заказы брокерам, протираю липкие столы. Делаю всё машинально, словно сквозь слой плотной ваты. Но мысли предательски возвращаются к нему. К новичку, которого я видела всего пару секунд и о котором не знаю абсолютно ничего. И всё же... почему его взгляд оставил во мне

такое гнетущее эхо?

— Огненная девочка, привет! — звонкий возглас Арии разносится над ухом, и её руки мгновенно обвивают меня со спины. Всего на секунду — и она тут же резко отпускает меня.

Тело мгновенно реагирует предательской, ледяной дрожью, сердце делает трусливый кувырок. С трудом удержав равновесие, я заставляю себя нацепить дежурную улыбку, будто ничего не произошло.

— Привет, — выдыхаю я чуть тише, чем хотелось бы.

Ария упирает руки в бедра и смотрит на меня с напускным укором:

— И почему ты до сих пор в рабочем фартуке? Мы же договаривались, что сегодня устроим вечеринку!

— Не помню, чтобы я что-то обещала, — спокойно парирую я, продолжая сгребать бокалы на поднос.

— Мы идем, и это не обсуждается! — она ловко сдергивает с вешалки мою сумку и буквально вкладывает мне в руки. Затем Ария резко разворачивается к отцу и с заговорщицким видом заявляет: — Пап, мы уйдем пораньше. У нас девичник! Ты только посмотри на Ренайру — она же бледная как смерть, совсем себя загоняла.

Я стою в стороне, наблюдая за их семейной перебранкой словно сквозь мутное стекло. Нэйт тяжело вздыхает, переводит на нас долгий, оценивающий взгляд и наконец сдаётся:

— Ладно. Только будьте осторожны. И без глупостей,

Ария.

Он скрывается на кухне, а подруга, громко смеясь, хватается меня за рукав бомбера и тянет к выходу. Я не успеваю ни попрощаться с Нэйтом, ни толком осознать, что происходит.

На улице резкий, прохладный ветер с ходу бьет в лицо. Я инстинктивно отдергиваю руку от Арии, пытаюсь спрятать вспыхнувшее напряжение за дежурной улыбкой. Воздух обжигает легкие — холодный, живой, настоящий. В отличие от меня. Я будто существую на полуслове, на полудыхании. Стоит кому-то нарушить мои личные границы — и всё внутри сжимается в болезненный, тугой комок. Память тела вспыхивает ядовитым пожаром.

Ария замирает, её лицо мгновенно смягчается. Она очень старается быть осторожной. Она ни в чем не виновата. Это исключительно моя вина. Моя сломанная, извращенная реакция на обычное человеческое тепло. Я отчаянно хочу быть нормальной. Хочу иметь возможность обнять её в ответ, смеяться без оглядки, как делают все девчонки в моем возрасте. Но между нами всегда стоит невидимая, толстая стена из прошлой боли, страха и старых шрамов.

— Прости... — Ария улыбается чуть грустно. — Я вечно забываю, как тяжело тебе даются прикосновения. Просто... мне так иногда хочется тебя обнять. Обещаю, я буду держать себя в руках и не трогать тебя без крайней необходимости.

— Мне не больно, Ари, — тихо роняю я, обращаясь скорее к самой себе. — Просто я никак не могу к этому при-

выкнуть.

— Я понимаю, родная, — её голос звучит удивительно тепло.

Порыв ветра треплет её светлые волосы. Ария аккуратно берет меня под руку — медленно, беззвучно запрашивая взглядом разрешение.

— Ладно, отставить драму! Поехали, нам нужно успеть к самому началу!

К заброшенной промзоне на окраине мы добираемся к половине восьмого. Для гонки я переоделась в плотные черные штаны, оставив белый топ и бомбер, а волосы намертво стянула в высокий конский хвост. Ария же умудрилась выбрать экстремально короткое, летящее платье. Когда она устраивается на пассажирском сиденье позади меня и обнимает за талию, я заставляю свой мозг отключиться, бдительно следя лишь за тем, чтобы её ладони не касались участков открытой кожи.

— Ты решила прорекламировать свой зад половине стритрейсеров Нью-Йорка? — смеюсь я, бросая короткий взгляд через плечо.

— Ой, да ладно тебе! — фыркает она, тщетно пытаясь натянуть подол пониже. — Я не виновата, что ты фанатеешь от двух колес, а не от нормальной машины с закрытым салоном!

Припарковавшись у бетонных блоков, Ария тут же упорхнула к стайке общих знакомых, а я направляюсь к машине

организаторов, где стоит Дамид. Пока преодолеваю разделяющее нас расстояние, кожей чувствую, как его тяжелый, липкий взгляд буквально прилипает к моему телу. От этого внимания внутри рождается глухое раздражение.

— Привет, — здоровается он, делая широкий шаг навстречу. Он явно намерен обнять меня за плечи, но я вовремя делаю стремительный шаг назад, увеличивая дистанцию.

— Привет, — улыбаюсь я одними губами, удерживая холодный барьер. Пока он не успел перехватить инициативу, сразу бью в лоб вопросом: — Через сколько старт?

— Минут через десять, — Дамид не сводит с моего лица плотоядного взгляда.

— Отлично. Тогда я пойду проверю байк и подготовлюсь, — сухо бросаю я и круто разворачиваюсь, собираясь уйти.

— Нам нужно поговорить после заезда, огненная, — долетает мне в спину его настойчивый голос.

Я продолжаю идти, делая вид, что рев чужих моторов полностью заглушил его слова. Дамид всегда был ко мне неравнодушен, а я упрямо разыгрывала карту «просто дружбы». Я не хочу никаких отношений. Точнее — я физически на них не способна. Я честно пыталась. Не раз. Флирт в сети или общение на расстоянии давались мне легко. Но стоило делу дойти до реальной встречи, до неизбежных прикосновений — и я моментально проваливалась в глухую глубину собственной травмы. Одно легкое касание чужих пальцев — и меня с мясом отбрасывало назад, в тот темный подвал пят-

надцатилетней давности.

Подойдя к Арии, я незаметно перетягиваю её в сторону от шумной компании и шепчу на ухо:

— Он опять за свое. Со своими дурацкими намеками.

— Кто? Дамид? — Ария возмущенно вскидывает брови.

— Ну а кто еще.

— Пошли его к чертям собачьим после гонки, — тихо бурчит она, бросая в сторону парня косой, неприязненный взгляд. — Он мне никогда не нравился. Скользкий какой-то. И слишком много скрывает.

Спустя пять минут мощный мотор моего байка оживает, и тяжелая вибрация послушно отдается в груди. Я сижу в седле, низко склонившись к бензобаку. Взгляд намертво прикован к стартовой линии.

Окружающий шум, крики толпы, свист — всё это мгновенно глохнет, уходя на задний план, словно отделенное от меня толстым непробиваемым стеклом. Тяжелый шлем плотно сжимает голову, надежно изолируя меня от внешнего мира. Существую только я, яростный рев двигателя и мое собственное дыхание — глубокое, рваное, сосредоточенное.

Вспышка сигнала. Старт.

Я срываюсь с места, сжигая резину. Окружающий мир ментально размывается в неоновые линии: чужие лица, огни фар, серые очертания промзоны — всё стирается. Остается только серая лента асфальта и чистая, концентрированная скорость.

Встречный поток ветра яростно рвет одежду, колючими иглами щиплет открытую кожу шеи. Эти удары воздуха ощущаются как острые ножи, и это... приносит дикое, ни с чем не сравнимое удовольствие. С каждой секундой я всё сильнее вжимаю ручку газа, выжимая из мотоцикла максимум. Кажется, если я поеду еще быстрее, если преодолею звуковой барьер, то смогу наконец вырваться. Из этого искалеченного тела. Из удушающей памяти. Из самой себя.

Дорога бешено пульсирует под колесами. Мозг отключается. Я больше не думаю и ничего не чувствую. Я просто лечу вперед. И с каждым новым крутым поворотом, с каждым безумным рывком внутри меня наконец воцаряется долгожданная, звенящая тишина. Пустота в груди уступает место чему-то, что я могу назвать свободой. Хотя бы на эти несчастные несколько минут.

Я несусь по трассе, дорога перед глазами окончательно сужается в узкий, бесконечный тоннель. Сердце колотится в сумасшедшем ритме мотора.

И вдруг — оглушительный удар. Резкий. Подлый. Сбоку. Меня на полной скорости жестко таранит чужой байк. Мой мотоцикл опасно ведет, колеса начинают вилять, стремительно съезжая с траектории в сторону бетонного ограждения. Перед глазами всё плывет от резкой вспышки адреналина.

Отчаянно борясь за жизнь, я мертвой хваткой вцепляюсь в руль, резко выравниваю переднее колесо и вдавливаю тор-

моз, пытаясь поймать сцепление с асфальтом. Покрышки исходят диким визгом и гарью, воздух с силой вырывается из моих легких. На долю секунды в голове вспыхивает четкая мысль: *«Всё. Сейчас я упаду. Сейчас всё закончится»*.

Но я не сдаюсь. Я цепляюсь за эту дорогу зубами, ногтями впиваясь в ускользающую реальность. Рывком, отозвавшимся острой болью в плечевых суставах, мне удастся выровнять байк. Колеса снова ловят баланс.

На ходу оборачиваюсь через плечо, чтобы рассмотреть наглеца. Это был не случайный занос. Намеренный, четко просчитанный удар на поражение.

Вместо страха в жилах вскипает чистая, первобытная ярость. Злость мгновенно выжигает остатки паники, заставляя крепче сжать руль.

Оглянувшись через плечо, я едва не выпускаю управление: из темноты затяжного поворота вылетает массивный черный силуэт. Неизвестный байкер на бешеной скорости подрезает моего обидчика, жестко таранным ударом выталкивая его с трассы. Мотоцикл наглеца заносит, он теряет сцепление с асфальтом и со всего маху врежется в бетонное ограждение. Клубы дыма, скрежет металла — и тишина.

Я резко жму на тормоза, останавливая свой байк у обочины. Внутри всё горит, я порываюсь соскочить на землю, но таинственный спаситель притормаживает рядом. Изпод темного визора шлема на меня смотрит непроницаемая тьма. Он делает короткий, властный жест рукой: *«Езжай*

далее».

Я не знаю, кто он такой и ради чего полез в эту драку. Но его энергетика буквально подавляет. Послушно кивнув, я опускаю стекло шлема и выкручиваю газ.

Незнакомец едет следом, прикрывая мой тыл до самого финиша. Мне глубоко плевать, какой по счету я пересекаю черту. Впервые с того дня, как я ввязалась в уличные гонки, я проиграла. И мне абсолютно всё равно.

Съехав на гравийную стоянку, я глушу мотор. Рывком стягиваю шлем и беглым взглядом ищу глазами тяжелый черный байк своего спасителя. Но его уже нет — растворился в ночи так же стремительно, как и появился.

— Боже, Рей! Ты в порядке?! Ты бледная как призрак! — ко мне подлетает запыхавшаяся Ария, испуганно заглядывая в лицо.

— Да, всё хорошо, — хрипло отзываюсь я, пытаюсь унять дрожь в коленях.

В этот момент к нам размашистым шагом подходит Дамид. Его лицо перекошено от злости. Он сканирует меня тяжелым взглядом с ног до головы, и его брови сшибаются на переносице.

— Ты проиграла. Такого дерьма раньше никогда не было, — его голос звучит грубо, почти оскорбительно.

— Так получилось, — я опускаю глаза, чувствуя, как внутри снова закипает опасная, ядовитая злость.

— «Так получилось»?! — Дамид делает шаг вперед, его

дыхание так близко, что мне хочется поморщиться. — Я спустил из-за тебя кругленькую сумму. Ставил на твою победу, как последний идиот.

— Я верну тебе всё до цента, как только смогу, — я до белизны в костяшках сжимаю кулаки в карманах бомбера.

— Мне не нужны твои жалкие деньги, огненная, — его тон резко падает, становясь вкрадчивым, склизким и жестким. — Ты вполне можешь расплатиться по-другому.

Ария мгновенно вскипает, заслоняя меня собой:

— Ты что сейчас вякнул, ублюдок?! — она делает яростный шаг в его сторону.

— Не лезь не в свое дело, мелкая, — грубо рявкает он на неё, даже не оборачиваясь.

Я обхожу подругу, встаю прямо и смотрю Дамиду в глаза — холодно, без тени былой уступчивости:

— Что конкретно тебе нужно?

Он кривит губы в наглой, собственнической ухмылке:

— Ночь с тобой. В моем доме.

Никаких намеков. Никаких сомнений. Он говорит это как о решенном факте, уверенный в своей безнаказанности.

— Завтра я найду всю сумму и отдам тебе лично, — ледяным тоном отрезаю я.

— Рена... — он прищуривается и сокращает дистанцию, протягивая руку к моему лицу.

— У меня есть имя! — я резко, панически отскакиваю назад, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — И не смей,

блядь, ко мне прикасаться!

Крик вырывается сам собой, оглушая нас троих. Развернувшись, я почти бегом бросаюсь прочь со стоянки, в сторону шумящей толпы. Позади разносится его издевательский, самоуверенный хохот:

— Я всё равно получу то, что хочу, огненная девочка! От меня еще никто не бегал!

Ария, не выдержав, оборачивается, демонстрирует ему средний палец и на ходу догоняет меня.

— Поехали отсюда к черту. Поехали домой, Рей, — подруга заглядывает мне в глаза с глубоким сожалением и тревогой.

— Пошел он наглухо, — я резко отмахиваюсь и выжимаю из себя фальшивую, яркую улыбку, пытаюсь похоронить под ней бушующую внутри бурю. — Из-за одного кретина я не собираюсь портить нам ночь. Мы приехали на вечеринку, значит, будем веселиться.

Ария обеспокоенно кивает, но спорить не решается. Мы направляемся к огромному живому кругу, где молодежь всю сходит с ума: гремит басовая музыка, парни дрифтуют на полуразвалившихся машинах, поднимая тучи пыли, алкоголь льется рекой. Подруга ловко перехватывает у кого-то два пластиковых стакана с неоновым коктейлем и протягивает один мне. Я беру его для вида, но не делаю ни глотка.

Я никогда не пью алкоголь. Имея перед глазами «прекрасный» пример в виде собственного отца, я еще в детстве по-

клялась, что никогда не введу этот яд в свою жизнь. Никогда.

Но внешне моя трезвость незаметна. Я громко смеюсь, танцую в такт оглушительным басам, подпрыгиваю — делаю всё, чтобы казаться пьяной в хлам. Будто внутри меня нет никакой боли, никакого липкого страха и гнетущих воспоминаний. Только яркий, глянцевый, абсолютно фальшивый праздник.

— Вот и наши девчонки! — к нам протискивается Ник. Наш друг и коллега по клубу Нэйти. На его лице играет привычная доброжелательная улыбка. Он коротко, ненавязчиво приобнимает Арию за плечи, уважая мои границы, и просто уважительно кивает мне: — Рад тебя видеть, Рей. Огненная девочка снова в деле?

Я улыбаюсь ему в ответ — на этот раз чуть теплее, искренне. Ник — один из тех редких людей, в чьем присутствии я могу позволить себе выдохнуть. Он знает о моей травме, никогда не давит, не пытается подойти ближе, чем я позволяю.

— Привет, Ник! — весело отзывается Ария, протягивая ему свой стакан. — Ты как всегда вовремя, спасай нас от скуки!

— Да куда я без вас, — смеется он, забирая напиток.

И на какие-то несчастные пару минут мне действительно кажется, что мир вокруг не такой уж и уродливый. Что, возможно, я всё еще способна улыбаться по-настоящему. Хотя бы на мгновение.

Музыка грохочет так сильно, что вибрация бьет прямо в ребра. Вокруг прыгают, кричат и обнимаются сотни людей. Ария танцует рядом, в порыве трека приобнимает меня за шею, и я заставляю себя не отстраняться — позволяю это мимолетное тепло, просто чтобы не чувствовать себя бесконечно одинокой среди этой толпы.

И вдруг... мир ломается.

В паре метров от нас какой-то пьяный парень резко хватается за руку проходящую мимо девушку. Та испуганно отшатывается, пытается вырваться, но его пальцы намертво, до синяков впиваются в её запястье.

Щелчок.

Реальность вокруг меня стремительно замедляется, словно кадры старой киноплёнки. Оглушительный шум музыки отдаляется, превращаясь в глухой подводный гул. Земля уходит из-под ног. Мне становится холодно. Невыносимо, смертельно холодно.

Дыхание со свистом перехватывает. Паническая атака накрывает с головой, мгновенно возвращая меня в тот самый подвал. Я отчетливо чувствую: если не уйду сейчас, то просто сорвусь в безумный крик.

Делаю шаг назад. Еще один. Протискиваюсь сквозь тела танцующих, кричащих людей. Кто-то удивленно зовет меня по имени — кажется, это Ария — но я не оборачиваюсь. Я просто бегу. Быстро, вслепую, прочь от этого людского месива, пока остатки моего самообладания не разлетелись на

осколки.

Оставив шумную площадку позади, я забредаю на самый край промзоны. Здесь, между массивными бетонными блоками, царит глухая, спасительная темнота. Сюда никто не зайдет.

Прижавшись спиной к холодному бетону, я медленно оседаю на землю. Колени сами собой прижимаются к груди, выстраивая привычную защиту. Там, позади — чужое веселье и жизнь. А здесь — только звенящая тишина. И я. Осколок человека.

Пальцы бьет крупная дрожь. Я с силой сжимаю ладони в кулаки, заставляя ногти до крови въедаться в кожу. Глаза невыносимо жжет от подступающих слез, но я упрямо моргаю, заставляя себя дышать через нос. Сколько можно плакать? Внутри скрючивается тяжелый, уродливый узел из боли, бессилия и дикой усталости. Но я привычно молчу.

Внезапно густая тень перекрывает тусклый свет луны.

Я резко вскидываю голову. Передо мной высится огромный, массивный силуэт. Капюшон натянут по самые брови, полностью скрывая черты лица в полумраке. Я всматриваюсь в эти очертания широких плеч и внутри что-то испуганно екает — это он. Тот самый байкер, спасший меня на трассе.

— Что тебе нужно? — шмыгнув носом, я напускаю на себя маску привычной грубости, пытаюсь защититься.

— Ты, — коротко, хрипло отзывается он из темноты. Его низкий голос вибрирует в воздухе, заставляя волосы на мо-

ем теле встать дыбом.

Я издаю нервный, безрадостный смешок и отвожу взгляд:
— Пф. Стой в очереди, приятель. Ты сегодня явно не первый.

В ответ на мои слова из-под капюшона раздается глухое, предупреждающее рычание. Этот утробный звук заставляет меня вздрогнуть всем телом.

— Кто? — короткий, опасный, как выстрел, вопрос. В его тоне звенят ноты такой первобытной угрозы, что воздух вокруг кажется наэлектризованным.

Я замыкаюсь в себе и хмуро молчу. Медленно поднимаюсь на ноги, собираясь обойти его и вернуться к свету. Но мужчина не позволяет. Он делает плавное полудвижение вбок, монументальной стеной преграждая мне единственный путь к выходу.

— Я иду к подруге. Отойди с дороги, — ледяным тоном бросаю я, хотя сердце колотится о ребра, как безумный узник.

— Толкни, — его голос звучит странно. Низко, с явным вызовом. Он словно проверяет меня на прочность. Провоцирует.

Я замираю напротив него. Расстояние между нами пугающе мало. «Толкни», — сказал он. Каждая клетка моего испуганного тела вопит: *«Не трогай его! Не смей прикасаться к чужаку!»*

Но злость на собственное бессилие берет верх. Я медлен-

но, словно преодолевая сопротивление густой воды, поднимая руку... и толкаю его ладонью прямо в грудь. Слабо. Это скорее жест отчаяния, чем реальная попытка заставить его подвинуться. Мужчина даже не шевелится. Его мощное тело не сдвигается ни на миллиметр, он продолжает монолитом стоять надо мной, гипнотизируя взглядом из-под капюшона.

Внутри меня всё окончательно скручивается в тугую узел паники. Я уже готова развернуться и броситься наутек среди бетонных стен, как вдруг он медленно, плавно поднимает свою огромную руку...

И аккуратно, едва ощутимо касается моей ладони. Он не сжимает пальцы, не пытается схватить или заблокировать меня в ловушке. Просто невесомо касается кожи своей горячей кожей.

Чужое тепло мгновенно прошивает меня насквозь. Но это не пугающий огонь Дамида или отцовских побоев. На долю секунды в моей истерзанной груди словно щелкает какой-то давно забытый, заржавевший предохранитель. Безопасность. Чистая, абсолютная безопасность.

Испугавшись этого незнакомого, дикого ощущения, я резко отдергиваю руку. Сердце колотится так бешено, что в ушах стоит сплошной колокольный звон.

Незнакомец молчит, продолжая возвышаться надо мной в темноте. А затем тихо, почти не слышно, но с пугающей, стальной искренностью произносит:

— Я никогда не причиню тебе боль, Рейна.

И прежде чем я успеваю сообразить, откуда этот чужак знает мое настоящее, скрытое ото всех имя, он делает шаг назад и буквально растворяется в густой тени бетонных блоков. Исчезает.

Оставив меня стоять одну на холодной земле. С крупной дрожью в кончиках пальцев, горячей ладонью и оглушительным шумом в голове.

Кое-как собрав себя по кускам, я медленно возвращаюсь к свету фар. Звуки толпы снова накрывают меня удушающей волной — крики, пьяный смех, рев моторов. Но теперь всё это кажется бесконечно далеким, неестественным и фальшивым. Я иду на автопилоте, шаг за шагом, словно продираясь сквозь толщу мутного стекла.

Ария замечает меня первой. Она мгновенно отрывается от компании, быстро подбегает ко мне и тревожно заглядывает в лицо. Музыка за нашей спиной продолжает надрывно греметь, но я её больше не слышу. Мне до безумия, до крика хочется тишины. И покоя.

Подруге хватает одного взгляда на мои расширенные зрачки, чтобы всё понять.

— Пошли отсюда, — тихо шепчет она.

Глава 3

Я молча киваю. Мы быстро покидаем заброшенную зону, пробираясь сквозь ревушую толпу к мотоциклу. Прохладный ночной воздух с ходу бьет в лицо, возвращая способность трезво мыслить. И это отрезвляет лучше любого крика.

Мы запрыгиваем на байк. Ария устраивается позади меня, осторожно обвивая руками мою талию поверх плотной ткани бомбера. Она едва касается меня, стараясь не задеть открытую кожу. Внутри разливается волна немой благодарности за её чуткость.

Мощный мотор раскатисто рычит, и мы срываемся с места, оставляя неоновое безумие позади. Ночная дорога практически пуста. Фары байка резкими мазками выхватывают из темноты куски серого асфальта. Минут десять мы летим в абсолютном молчании, слушая лишь свист ветра в ушах. А затем Ария вдруг утыкается лбом в мой затылок и произносит тихо-тихо, едва различимо сквозь гул двигателя:

— Я знаю, Рей, что ты сильная. Из чистого кремня, крепче многих мужиков. Но если когда-нибудь ты просто... устанешь быть сильной и захочешь упасть — помни, что я рядом. Я подхватчу.

Я судорожно глотаю ртом ледяной воздух. В груди от её слов что-то болезненно, до дрожи сжимается. Но я не от-

вечаю. Лишь сильнее выкручиваю ручку газа, заставляя мотоцикл лететь вперед на пределе возможностей. Пусть этот встречный ветер заберет все лишние слова. Пусть он скроет крупную дрожь, которая всё-таки пробивает мое тело вопреки всему.

В эту ночь я решаю не возвращаться в свою пустую квартиру — остаюсь у Арии.

Мы тихо, почти беззвучно крадемся по темному коридору их дома, отчаянно стараясь не разбудить Нэйта. Каждый скрип старых половиц в этой тишине кажется оглушительным взрывом. Мы испуганно переглядываемся, едва сдерживая нервный, судорожный смешок. Дверь в комнату подруги поддается с едва слышным вздохом, мы быстро проскальзываем внутрь и намертво прижимаем её за собой.

В помещении царит уютный полумрак. Бледный лунный свет ложится ровными серебряными полосами на деревянный пол. Здесь тихо. Спокойно.

Сбросив тяжелый кожаный бомбер на кресло, я разуваюсь и без сил опускаюсь на край кровати. Ария тут же плюхается рядом, привычно поджимая под себя босые ноги.

— Чувствую себя школьницей, которая сбежала с уроков, — шепчет она, прыска в кулак.

На моих губах расцветает улыбка. Впервые за долгое время — не фальшивая маска для посетителей клуба, а настоящая, теплая улыбка. Небольшая, но искренняя. На душе впервые за эти безумные сутки становится чуточку легче. Не

идеально, нет. Но эта свинцовая тяжесть в груди наконец отступает.

Я ложусь на подушку, натягивая пушистое одеяло до самого подбородка. Ария щелкает выключателем, погружая комнату в абсолютную тьму. Нас обволакивает живая, безопасная тишина.

Утро врывается слишком рано. Я чувствую, как настойчивый солнечный луч лениво крадется по моим векам. С тихим стоном поворачиваюсь на другой бок, с головой прячась под одеяло. Но насладиться покоем мне не дают.

— Девчонки, подъем! Хватит давить подушки! — раздаётся бодрый, звенящий голос.

Я шурю от яркого света и приподнимаю голову. В дверях, опершись о косяк, стоит Тания — мама Арии. На ней мягкий велюровый халат, светлые волосы небрежно собраны в пучок, а в руках дымится огромная чашка. Она смотрит на нас с такой невероятной теплотой, будто видит перед собой величайшее сокровище в мире.

Ария, сонная и взъерошенная, судорожно тянет одеяло выше, пытаясь забаррикадироваться от внешнего мира.

— Мам... ну еще пять минуточек, — жалобно бормочет она куда-то в подушку.

Тания тихо смеется, проходя в комнату.

— Ваши пять минут истекли еще полчаса назад. Вставайте, сони! Я уже всю колдую над завтраком.

Она аккуратно ставит чашку на тумбочку и исчезает в ко-

ридоре, оставляя после себя умопомрачительный, сладкий запах свежесваренного кофе и ванили. Я зарываюсь лицом в подушку, чувствуя, как внутри разливается незнакомое, щемящее чувство. Здесь я дома. В абсолютной безопасности. Среди людей, которым я действительно дорога. И пусть вчерашний вечер едва не сломал меня, сегодня — совершенно новый день.

Когда мы наконец выползаем на кухню, Ария ковыляет впереди — босиком, в безразмерной растянутой футболке и с вороньим гнездом на голове. Я плетусь следом, всё еще пытаюсь окончательно проснуться.

В воздухе витают ароматы поджаренных тостов, спелых ягод и свежей выпечки. Тания суется у плиты, что-то весело напевая себе под нос. На обеденном столе уже красуются тарелки с джемом, аккуратно нарезанные фрукты и внушительная стопка пышных блинчиков.

Заметив наше появление, Тания буквально расцветает в улыбке.

— А вот и мои красавицы! Живо за стол. Завтракать нужно обязательно, особенно после ваших ночных «подвигов», — она заговорщицки подмигивает.

Ария с тяжелым вздохом падает на свое привычное место, зевая на всю кухню. Я скромно опускаюсь на соседний стул, инстинктивно стараясь казаться как можно незаметнее. Но от хозяйки дома ничего не утаить. Тания с тихим стуком ставит прямо передо мной большую, увесистую кружку. Не

кофе, не чай — горячее, ароматное какао с нежной молочной пенкой.

— Тебе сегодня нужно что-то сладкое, — тихо, понимающе произносит она, заглядывая мне в самую душу.

В горле моментально встает удушливый ком. Я лишь беззвучно киваю, боясь растерять остатки самообладания. Эта простая, безусловная забота трогает до глубины души.

— Мам, а папа уже уехал? Он нас... ну, не спалил ночью? — спрашивает Ария, потянувшись за тостом и настороженно косясь на дверь.

Я тоже замираю, крепко сжав пальцами теплую кружку.

Тания лукаво усмехается, пряча глаза за краем своей чашки:

— Не знаю, девочки... — протягивает она с наигранным сомнением. — Но он уехал на работу час назад и просил передать, что с нетерпением ждет вас обеих на смене.

Мы с Арией синхронно переглядываемся. Подруга забавно округляет глаза, а я прикусываю губу, из последних сил сдерживая рвущийся наружу смех.

— Значит, всё-таки спалил, — обреченно шепчет Ари.

Тания лишь невинно пожимает плечами, не в силах скрыть веселые искорки в глазах:

— Сами с ним разбирайтесь. Моя хата с краю.

Спустя полчаса мы, наспех приняв душ и натянув первые попавшиеся джинсы и футболки, буквально вылетаем из дома на бегу. Нью-йоркские улицы еще хранят ночную про-

хладу, а бледное солнце только-только начинает пробиваться сквозь рваные серые облака.

Я привычно паркую байк на нашем постоянном месте в переулке возле заброшенного склада. Стоит нам снять шлемы, как мы утыкаемся взглядом в монументальную фигуру.

На крыльце служебного входа стоит Нэйт. Скрестив мощные руки на груди, он сурово взирает на нас из-под густых бровей.

— О нет... — тихо выдыхает Ария мне в плечо. — Мы попали. Нас окружили.

Я заставляю свои губы растянуться в самой невинной, ангельской улыбке, на какую только способна. Ария мгновенно копирует мое выражение лица.

— Привет, папочка! — радостно воркует она, подлетая к отцу и крепко обнимая его за шею.

Я тоже подхожу ближе, вежливо кивая:

— Доброе утро, Нэйт.

Босс смотрит на нас с таким выражением, будто видит нас сквозь все наши тайны вместе взятые. Он медленно, с наигранной, суровой серьезностью произносит:

— Значит, девичник у вас был, говорите? Под секретным кодовым названием «нелегальные гонки, разбитые байки и ночные тусовки»?

— Пап, я вообще понятия не имею, о чем ты сейчас говоришь! Какая клевета! — тут же идет в отказ Ария, округляя глаза с таким искренним возмущением, что не поверить ей

просто невозможно.

Я едва сдерживаю громкий смешок, отворачиваясь в сторону. И вовремя: к бетонным блокам переулка с оглушительным ревом подкатывает знакомый мотоцикл Ника.

Парень глушит мотор и слезает с седла. Выглядит он так, будто его собственная ночь тоже выдалась экстремальной и безумной: каштановые волосы растрепаны во все стороны, одежда слегка примята, а на лице блуждает сонная, но чертовски обаятельная улыбка.

Нэйт картинно закатывает глаза к серому небу.

— Ну замечательно. Вот и еще один сторонник ночных приключений пожаловал, — ворчит босс, переводя суровый взгляд на припарковавшегося парня.

Мы с Арией синхронно прыскаем в кулаки, обмениваясь быстрыми, заговорщицкими смешками. Нэйт грозно сдвигает брови на переносице, но в глубине его карих глаз уже всю пляшут теплые, смешливые искорки.

— Живо все трое за мной, — бросает он через плечо, разворачиваясь на каблуках и открывая тяжелую железную дверь служебного входа. — Будете отрабатывать свое ночное самоуправство. Наказание я вам уже придумал.

Мы, словно банда провинившихся щенков, послушно бредем вслед за ним в прохладную глубину коридора, из последних сил сжимая губы, чтобы не рассмеяться в голос на весь клуб.

Нашим «жестоким» наказанием в итоге оказался мешок

грязной картошки. Нет, не так. Целый мелища. Огромный, пыльный холщевый мешок, будто предназначенный для пропитания целой пехотной дивизии, а не для скромной кухни нашего подпольного бара.

Спустя десять минут мы уже сидим на закрытом заднем двореке за старым, щербатым деревянным столом. Перед нами красуются глубокий таз с ледяной водой, три тупых ножа и бесконечная, удручающая гора грязных земляных клубней.

Ария обреченно стонет на весь двор, драматично закатывая глаза к небу:

— Всё, официально заявляю: мой свежий маникюр обречен на мучительную смерть, — она вздыхает с видом великомученицы, аккуратно, двумя пальчиками подцепляя первую картофелину.

Ник в ответ зевает так широко и заразительно, что мне на мгновение кажется — он сейчас случайно проглотит собственный нож. Он принимается за работу лениво, медленно, с таким видом, будто каждое движение лезвия дается ему ценой титанических, героических усилий.

Я же просто молча и сосредоточенно работаю. Мои руки двигаются на чистом автопилоте, несмотря на ноющую боль в потянутом во время ночного тарана плече. Срезать кожуру. Опустить в миску с водой. Взять следующую. Срезать. Смыть грязь.

Тонкая стружка послушно летит на стол. Глядя на ровные,

чистые клубни в воде, я неожиданно для самой себя нарушаю воцарившуюся тишину:

— Знаете... а ведь я когда-то безумно любила готовить.

Пальцы Арии замирают. Подруга тут же откладывает нож в сторону и смотрит на меня из-под растрепанной челки с высоко вздернутыми бровями:

— Ты сейчас это серьезно говоришь?

Ник, судорожно подавив очередной зевок, тоже удивленно приподнимает голову, с интересом разглядывая меня:

— погоди, Рей. Ты реально умеешь готовить что-то сложнее тостов с джемом?

Я коротко усмехаюсь, чувствуя, как к щекам приливает непривычная, смущенная краска:

— Да. Раньше, еще в той... прошлой жизни, я готовила почти каждый день. Мне нравилось смешивать специи, искать новые вкусы. Это успокаивало.

Ник весело подмигивает мне, и его сонная маска моментально слетает:

— Ну всё, огненная девочка, теперь ты просто обязана это доказать на деле! Вызов принят. Либо ты кормишь нас шедевром, либо мы с Ари официально считаем это наглой ложью!

Подруга восторженно подхватывает его идею, громко захлопав в ладоши прямо над ухом Ника:

— Точно! Устроим сегодня после смены мини-шоу на кухне Нэйти! Только сразу всех предупреждаю на берегу: я

занимаю почетное место главного и самого неподкупного дегустатора!

Дворик оглашается нашим дружным, искренним хохотом. И в этот момент, уворачиваясь от брызг воды, которыми в нас шутливо запустил Ник.

Глава 4

Ренайра, 15 лет.

Я живу в этом чужом, холодном доме уже две недели.

Хозяин почти не бывает здесь. Изредка он возвращается глубокой ночью, молча закидывает на кухонный стол пакет с каким-нибудь безвкусным фастфудом и коротким, немым кивком приказывает мне сесть. Мы едим в абсолютной тишине. Расправившись со своей порцией, он уходит вглубь коридора, с грохотом захлопывая за собой дверь. После той первой ночи, когда он в ярости разбил свой телефон о стену, я больше не слышала его голоса. Нас разделяет только его тяжелое, гнетущее молчание.

Но я устала. Я не создана для вечной тишины. Даже когда я жила с матерью-наркоманкой и её бесконечной вереницей грязных ухажеров, я никогда не сидела тише воды, забившись под плинтус. А еще я до тошноты устала от покупных бургеров, вечного сквозняка и этой звенящей пустоты вокруг.

Сделав глубокий вдох, я решаюсь. С меня хватит. Я должна поговорить с ним. Хотя бы узнать, как зовут моего надзирателя.

С трудом наскребя по сусекам остатки растроченной храбрости, я направляюсь к его комнате. Стучу в массивную деревянную створку. Тихо. В ответ — ни звука. Стучу настой-

чивее, но ответа снова нет. Поддавшись глупому порыву, я медленно толкаю дверь от себя.

Мрачнее места я в своей жизни не видела. Наглухо темные стены, угольно-черная мебель, тяжелые портьеры на окнах. Но при этом здесь царит идеальный, почти маниакальный порядок — каждая вещь лежит на своем строго отведенном месте, словно солдат на посту.

Осторожно переступаю порог, оглядываясь по сторонам. В этот самый момент за моей спиной с резким щелчком распахивается дверь смежной ванной комнаты. От неожиданности я испуганно вздрагиваю, и сердце со свистом ухает куда-то в пятки.

Он стоит в проеме, окутанный клубами белого пара. Из одежды на нем — лишь тяжелое темное полотенце, перехваченное на бедрах. Мокрые черные волосы небрежными прядями падают на лицо. На его мощном, тренированном теле нет ни единой татуировки, но вся кожа иссечена множеством старых, побелевших шрамов.

— Какого черта ты забыла в моей комнате? — его голос утробно рычит, буквально взрывая тишину помещения.

Я застываю на месте, как вкопанная, но из последних сил заставляю себя не отводить взгляд:

— Прости... Я хотела попросить...

Он бесшумно сокращает расстояние между нами, вырастая вплотную. Слишком близко. Мне приходится сильно закинуть голову, чтобы встретиться с ним глазами. В его тем-

ных зрачках внезапно вспыхивает опасный, хищный азарт.

— И чего же ты захотела, колючка? — его тон падает на несколько октав, становясь зловеще низким.

Я до боли сжимаю кулаки в карманах, пряча дрожь в пальцах:

— Я устала жрать эту пластиковую фигню из доставок. Купи нормальные продукты. Я буду готовить сама, — выдавливаю я, упрямо глядя ему прямо в глаза.

Его губы кривятся в хищной, опасной усмешке:

— Маленькая, миленькая бестия решила покачать права?.. А может, мне стоит просто оставить тебя голодать в подвале, чтобы стала шелковой? — он наклоняется, и его горячее, пахнущее мятной пастой дыхание опалает моё ухо.

Я судорожно сглатываю вставший в горле ком, но удерживаю голос ровным:

— Я всего лишь попросила продукты.

Мужчина долго, невыносимо долго молчит. Его тяжелый взгляд намертво цепляется за мое лицо, сканирует зажатые кулаки и этот мой прямой, упрямый, предсмертный взгляд. Я стою, боясь сделать даже микроскопический вдох. Внутри всё заледенело от ужаса, но опустить глаза сейчас для меня равносильно полному поражению.

Наконец он тихо, зло усмехается:

— Хочешь готовить, значит?

— Хочу, — твердо отзываюсь я.

Парень на секунду склоняет голову набок, словно круп-

ный лесной зверь, изучающий добычу перед броском — стоит ли нападать или забава того не стоит. Затем он резко разворачивается и проходит мимо, едва не задев меня крепким плечом.

— Одевайся, — бросает он на ходу. — Едем в супермаркет.

Я продолжаю стоять посреди его спальни, растерянно хмурясь:

— Но у меня... у меня нет сменной одежды. Только то, в чем меня привезли.

Он даже не оборачивается, направляясь к шкафу:

— Шкаф открой. Возьми мою любую футболку, накинь сверху.

Я не двигаюсь с места, чувствуя себя глупо. Парень замирает, берет за край полотенца на бедрах и оборачивается через плечо с издевательской ухмылкой:

— Ты что, серьезно стоишь и ждешь, пока я начну переодеваться прямо перед тобой?

Вспыхнув до корней волос, я разворачиваюсь и пулей вылетаю из его комнаты.

Спустя полчаса я уже сижу на пассажирском сиденье его массивного внедорожника. В салоне царит мертвая тишина. Он молчит, уверенно сжимая руль, и эту изоляцию нарушает лишь утробный рев мощного мотора да шуршание асфальта под колесами. Дорожные огни Нью-Йорка размываются перед глазами в сплошные неоновые полосы, словно мы на

полной скорости несемся куда-то в никуда.

Внезапно — резкий скрип тормозов. Мы останавливаемся у огромного круглосуточного гипермаркета. За стеклом витрин горит холодный, безжизненный люминесцентный свет.

Мой конвоир коротко кикает в сторону входа:

— Иди. Выбирай всё, что считаешь нужным.

Я нерешительно замираю, боясь открыть дверцу. Он повторяет жест — на этот раз более резко, властно: «Иди».

Вылезаю на прохладный воздух. Парень бесшумной тенью следует прямо за мной. Его тяжелые, мерные шаги за спиной ощущаются как неподъемный груз, который мне никогда не сбросить с плеч. Внутри магазина пахнет свежим хлебом и ледяным пластиком. Я застываю перед первыми же полками, абсолютно растерянная. Смотрю на бесконечные ряды упаковок и не понимаю, с чего вообще нужно начинать.

Вдруг его низкий голос раздается у самого моего уха:

— Я сказал: бери всё, что надо. Любые продукты.

Я вздрагиваю так сильно, что едва не выронила из рук пластиковую корзинку. Парень даже не думает извиняться за то, что напугал. Просто монолитом висится рядом, словно персональный конвой.

Пытаясь унять внутреннюю дрожь, я принимаюсь лихорадочно скидывать в корзину всё, что всплывает в памяти: свежее мясо, овощи, зелень, специи, крупы. Набираю только самое базовое, необходимое для сытного ужина. На кассе он

молча достает толстую пачку купюр и расплачивается, даже не глядя на итоговый чек. Перехватив все тяжелые пакеты одной рукой так легко, словно они весят не больше пуха, он направляется к выходу.

Мы выходим на парковку. Ночной воздух колючим ветром бьет в лицо. Я машинально перевожу взгляд вдаль, туда, где темное шоссе растворяется в ночной глуши. Наверное, в моих глазах проскальзывает слишком явная мысль о побеге.

Потому что его ледяной голос мгновенно режет пространство над ухом:

— Только подумай сбежать от меня, колючка — и я лично тебя сломаю.

Он бросает эти страшные слова абсолютно равнодушно, как непреложный, давно доказанный факт. А затем спокойно проходит мимо, даже не удостоив меня мимолетным взглядом, и укладывает пакеты в багажник. Захлопнув дверцу, он открывает передо мной пассажирский вход. Я сажусь в салон в полном молчании, чувствуя, как внутри всё окончательно камнеет от этого первобытного страха.

Вернувшись в дом, я сразу же забиваюсь на кухню и принимаюсь за готовку. Парень усаживается на стул в углу, скрестив ноги, и просто молча наблюдает за каждым моим движением. Тихо. Без единого слова.

Пытаясь абстрагироваться от его тяжелого взгляда, я мариную стейки в специях, ловко нарезаю овощи для гарнира, расставляю баночки по местам. Мои руки двигаются быстро,

почти механически, но в этой кухонной суете я внезапно нахожу какое-то странное, спасительное успокоение.

— Ты бы хоть имя свое назвал для приличия, — бросаю я как бы невзначай через плечо, искоса наблюдая за его реакцией.

— Обойдешься, — лениво прилетает в ответ.

— Ну и зануда, — бурчу я себе под нос, переворачивая мясо на сковороде.

Он едва заметно усмехается самым уголком губ, не сводя с меня глаз:

— Где ты научилась так управляться с ножом?

Я тяжело вздыхаю, не оборачиваясь к плите:

— Кулинарные передачи по телеку смотрела, когда делать было нечего. Матери вечно было не до меня, у нее свои интересы в жизни имелись. Приходилось самой выживать, чтобы с голоду не сдохнуть. Иногда её очередные ухажеры приносили нормальные продукты... Один из них был ничего, — добавляю я совсем тихо, тише шепота. — Жалел меня. Подкармливал.

Парень молчит несколько секунд, переваривая услышанное, а затем резко, безжалостно бьет вопросом наотмашь:

— Твоя мать — шлюха?

Я резко замираю и вскидываю голову, разворачиваясь к нему всем телом:

— Мог бы и не выражаться так уродливо! — холодно бросаю я, сжимая в руке лопатку.

— Я ведь не тебя так назвал. Только её, — он даже не моргает под моим гневным взглядом.

— Всё равно паршиво это слышать, — грубо отрезаю я, с грохотом отправляя противень с овощами в разогретую духовку. — Родителей, знаешь ли, не выбирают.

Он откровенно ухмыляется, забавляясь моей реакцией:

— Успокойся, колючка. На правду глупо обижаться.

— Мне плевать на твою «правду»! — зло бросаю я, с силой вытирая влажные ладони о кухонное полотенце.

Мужчина неожиданно смеется. Не той пугающей, злой усмешкой, а легко, искренне, по-настоящему.

— А мне нравится, когда ты злишься, — протягивает он, подавшись вперед. — С тобой тут хотя бы скучно не будет.

— Я тебе не комнатная игрушка.

— Ошибаешься, девочка. Ты — именно моя игрушка, — спокойно констатирует он, словно озвучивает прогноз погоды.

— Лучше молчи, — фыркаю я, разворачиваясь обратно к плите. — Знаешь, ты мне гораздо больше нравился, когда изображал немого.

— Значит, ключевое слово — всё-таки «нравлюсь»? — в его низком голосе отчетливо сквозит откровенная, наглая насмешка.

— О-о-очень, — драматично растягиваю я гласные, выразительно закатывая глаза к потолку. — Просто с ума схожу от твоей вечно недовольной физиономии.

Он снова коротко смеется, явно получая колоссальное удовольствие от нашей пикировки:

— Чертовски приятно это слышать, колючка.

Я принимаюсь лихорадочно убирать со стола лишние приборы, лишь бы больше не встречаться с ним взглядом.

— И как мне в итоге к тебе обращаться? Или самой кличку придумать?

— Цербер, — без тени шутки отзывается он из полумрака кухни.

Я замираю на месте и удивленно вскидываю бровь:

— Хорошо придумал. Прямо под твой характер, подходит идеально.

Парень лениво откидывается на спинку стула, заложив руки за голову:

— Это не кличка. Это мое настоящее имя.

Я растерянно моргаю, в полном недоумении уставшись на него:

— Ты сейчас серьезно?

— Абсолютно, — равнодушно бросает он, будто называет цвет кухонного гарнитура.

В этот момент аппетитный запах запеченного мяса окончательно заполняет кухню. Я аккуратно выкладываю сочные стейки на тарелки, щедро добавляю обжаренные овощи и ставлю одну порцию прямо перед ним. Вторую забираю себе и опускаюсь на стул напротив.

Цербер молча принимается за еду. Я следую его приме-

ру, стараясь смотреть исключительно в собственную тарелку. Воцарившаяся между нами тишина кажется невероятно тяжелой, но на удивление — больше не враждебной. Скорее... пустой, выжидающей.

Я уже почти заканчиваю с ужином, когда кожей чувствую на себе его пристальный, неподъемный взгляд. Медленно поднимаю глаза. Вилка застывает в моих пальцах.

Цербер внимательно всматривается в мое лицо. Но сейчас в его глазах нет прежнего оценивающего холода или издевательской насмешки. Он словно мысленно проводит какие-то сложные расчеты. Взвешивает что-то, известное ему одному.

— Ты странная, — роняет он наконец, нарушая тишину.

— Спасибо за комплимент, — сухо отзываюсь я, поспешно опуская глаза обратно в тарелку.

Он едва заметно ухмыляется, но на этот раз без капли привычной злости:

— Ты не ломаешься.

Эти слова звучат на удивление тихо, почти с искренним, затаенным удивлением. Будто он озвучил мысль, которую адресовал самому себе, а не мне. Я лишь крепче поджимаю губы, совершенно не представляя, что на такое нужно отвечать.

Цербер резко поднимается со стула, забирает пустую тарелку и направляется к раковине. Ставит её на металлическое дно с глухим, но на удивление аккуратным стуком, после чего бросает через плечо:

— Живо марш спать, Колючка.

— Я в состоянии сама убрать за собой, — холодно парирую я, поднимаясь следом. Забираю свою посуду и уверенно подхожу к мойке.

Парень молча отступает на шаг в сторону, освобождая мне пространство.

— Ну, раз так — тогда заодно и за мной помоешь, — добавляет он с легкой усмешкой.

Я ничего не отвечаю. Просто включаю кран, намыливаю губку и принимаюсь тщательно тереть фарфор. Белая пушистая пена липнет к ладоням. Я тру посуду с таким остервенением, будто от чистоты этих тарелок прямо сейчас зависит моя жизнь. Всем телом чувствую, что он не ушел — продолжает стоять рядом и молча наблюдать.

От резких движений пара рыжих, огненных прядей выбивается из пучка и липнет к моему вспотевшему лицу, мешая обзору. Я пытаюсь раздраженно сдуть их, но руки по локоть в мыльной пене — не дотронуться. Раздражение внутри стремительно растет. Я упрямо мотаю группой, но непослушные волосы намертво прилипли к коже лба.

И вдруг — бесшумный, стремительный шаг.

Я чувствую его массивное присутствие в ту же секунду. Вскидываю голову и вижу, как его огромная ладонь медленно поднимается к моему лицу. Внутри всё испуганно сжимается. Мышцы напрягаются до предела, превращаясь в натянутые стальные струны. Память услужливо подсовывает от-

цовские побои, и я инстинктивно зажмуриваю глаза, втягивая голову в плечи.

Я приготовилась к удару. К боли.

Но вместо этого...

Его тяжелые, теплые пальцы поразительно нежно, едва ощутимо подцепляют рыжие пряди и аккуратно убирают их мне за ухо. Это нежное, до безумия осторожное прикосновение. В нем нет ни капли силы, ни грамма привычной грубости.

Только чистая, затаенная нежность.

Я медленно, не веря собственным ощущениям, открываюсь и поднимаю глаза. Цербер смотрит на меня в упор — его взгляд тяжелый, глубокий, абсолютно непроницаемый.

— Я никогда не причиню тебе боль, Рейна, — произносит он тихо, почти невесомым шёпотом.

И не дожидаясь моей реакции, он круто разворачивается и размашистым шагом покидает кухню. Его шаги мгновенно затихают в глубине темного коридора.

Оставляя меня стоять у раковины в абсолютном одиночестве. С покрытыми мыльной пеной руками, бешено коло-тящимся в самые ребра сердцем и со странным, пугающим ощущением того, что где-то глубоко под моей кожей только что с громким треском лопнул самый главный, незыблемый ледяной замок.

*** *Настоящее*

После импровизированного наказания мы быстро приво-

дим себя в порядок на служебной кухне и возвращаемся в зал.

Я до сих пор не знаю, кто истинный владелец этого места, но одно мне известно наверняка — сюда даже близко не подходят копы. Поговаривают, что «404» — личная территория мафиозной верхушки, закрытое убежище, куда пускают исключительно своих. Огромное двухуровневое помещение со шлейфом опасного азарта: массивный контактный бар, ревущий ринг в центре и темные вип-зоны под самым потолком. Воздух здесь пропитан тяжелым коктейлем из дорогого алкоголя, выделанной кожи, каленого железа и мужского пота.

Я сразу занимаю свое рабочее место за стойкой. Ария подхватывает круглый поднос и отправляется лавировать между столиками, разнося заказы. Ник тенью следует за ней — вышагивает следом, словно преданный хвост, удерживая в руке чашку с остывающим кофе и лениво улыбаясь своим мыслям.

Спустя пару часов мы меняемся. Теперь моя очередь выходить в зал. Я небрежно собираю огненные волосы в тяжелый пластиковый краб, расправляю плечи и натягиваю на лицо привычную, непроницаемую маску абсолютной уверенности. Но внутри, на самом дне сознания, привычным ядом пульсирует фоновое напряжение. Передавая заказы гостям, я стараюсь не задерживаться у столов дольше секунды — отдала бокал и сразу ушла.

Ник незаметно подбирается ко мне со спины, и его обыч-

но смешливое лицо сейчас пугающе серьезно:

— Слышали утренние сплетни? Сегодня на ринге будет драться младший брат самого Капо.

Я лишь скептически хмыкаю, не отвлекаясь от сортировки чеков.

— О боже, и что теперь? Нам прямо ковер из роз перед ним расстилать нужно? — шутливо хнычет подошедшая Ария, поправляя поднос.

— Нет, — раздается внезапный, хриплый и невероятно тяжелый голос прямо у нас за спинами. — Себя постели. Для меня.

Этот звук бьет по нервам, словно хлесткий удар хлыста. Мы с Арией оборачиваемся абсолютно синхронно.

Перед нами стоит мужчина. Высокий, широкоплечий, в угольно-черной рубашке с небрежно закатанными до локтей рукавами, под тканью которой при каждом движении перекатываются жесткие жгуты мышц. Его глаза — два куска обработанного антрацита: холодные, неподъемные, авторитетные. На шее поблескивает тонкая цепочка. Его лицо кажется вырезанным из безупречного, но сурового мрамора — грубое, хищное, порочно красивое и смертельно опасное.

Вокруг нашего треугольника мгновенно становится тише. Люди, стоящие рядом у прохода, невольно отступают на шаг назад, освобождая ему пространство. Ария резко обрывает свой смех и замирает. Кожей чувствую, как вся её фигура рядом со мной превращается в натянутую струну.

Он медленно, с ленивой грацией хищника переводит свой тяжелый взгляд с моего лица на Арию. Слишком внимательно. Слишком многообещающе.

В этот момент из ревущей толпы к нему бесшумно подходят еще двое мужчин. Внешне они кажутся почти одинаковыми, но энергетика разная: один кривит губы в опасной, играющей ухмылке, а второй — мрачный, монолитный и молчаливый, словно надгробный камень. И этот второй смотрит прямо на меня. Не мигая. В упор. Слово сканирует сетчатку глаза, выжигая подозрение прямо на корню. В его зрачках нет мужского интереса или похоти. Только холодный, математический расчет. Он ищет во мне что-то конкретное. Или кого-то, кого я ему напоминаю.

Внутри меня всё болезненно сжимается, каменея от дурного предчувствия.

— Мэйсон, пошли. Пора, — коротко бросает тот, что с ухмылкой.

Они круто разворачиваются и направляются напрямик к главной арене. Ревущая толпа расступается перед ними сама собой, образуя живой коридор. А мы так и остаемся стоять у стойки, будто нас намертво прибило к полувековым доскам.

— Это был сам Капо и его братья, — едва слышно шепчет Ник, замороженно глядя им в след. — Тот, кто так пристально изучал тебя, Рей, — это и есть Капо, — добавляет он, поворачиваясь ко мне. — Всё это чертово заведение принадлежит ему. «404» — его личная вотчина. Каждый кирпич в

этих стенах подчиняется его слову.

Я судорожно заставляю себя не думать об этом. С удвоенным остервенением цепляюсь за работу, впиваюсь пальцами в подносы, стаканы, заказы и чеки. Я сознательно игнорирую шум ринга, даже не поворачивая головы в сторону идущих боев. Напряжение этого дня вымотало меня до основания, я смертельно устала от липких взглядов и удушающей атмосферы криминального подполья.

В какой-то момент я всё же не выдерживаю и поднимаю глаза на вип-ложу. Внутри всё замерзает: он сидит там, вальяжно скрестив руки на груди, и его ледяной взгляд направлен прямо на меня. Быстро отвернувшись, я практически бегом возвращаюсь за барную стойку. Ария торопливо разливает выпивку по бокалам, и её руки заметно подрагивают.

— Сколько сейчас времени? — спрашиваю я, до белизны в ногтях сжав пальцы в кулаки. — Этот день кажется мне бесконечной пыткой.

— Сама не знаю, Рей, — фыркает подруга, тщетно пытаюсь унять дрожь. — Телефон в сумке в подсобке остался, даже не посмотреть.

Я киваю, из последних сил делая вид, что полностью контролирую ситуацию. Пытаюсь втянуться в какой-то бессмысленный рабочий разговор, отвлечься...

И в этот самый миг затылок обжигает чужое присутствие. Чьи-то сильные, бесцеремонные пальцы грубо подцепляют пластиковый краб на моей голове, поднимая огненные воло-

сы вверх. Чужая ладонь касается оголенной кожи моей шеи, словно выискивая там тайный знак.

Щелчок.

Тело реагирует на осквернение личных границ мгновенно, на чистых первобытных рефлексах. Сдавленно вскрикнув, я панически дергаюсь вперед, теряя равновесие и спотыкаясь о ножку стула. Но упасть мне не дают. Чья-то стальная, безжалостная хватка намертво перехватывает мой локоть, силой удерживая на весу.

Кожа под его пальцами моментально вспыхивает огнем, будто от глубокого термического ожога. Яростно рванувшись всем телом, я с мясом вырываю свою руку из чужого плена. Отступаю на три шага назад, тяжело дыша, и скидываю дикий, затравленный взгляд.

Передо мной стоит он. Капо.

Высится монументальной скалой, абсолютно спокойный, словно произошедшее — сущая нелепица. В его позе сквозит непоколебимая уверенность в том, что он имеет полное, безоговорочное право на каждое мое движение и вдох. Его зрачки темные, бездонные, пронизывающие насквозь.

— Вы что-то хотели? — я отчаянно пытаюсь говорить твердо, но голос предательски дает давку, срываясь на дрожь.

— Идем за мной, — его приказ звучит коротко, сухо, не допуская даже мысли о возражении.

Он разворачивается и направляется к служебному выхо-

ду. Я застываю в ступоре, переводя испуганный взгляд на Нэйта. Наш босс встречает мой безмолвный крик о помощи и едва заметно, тяжело кивает головой — мол, *«иди, Рей, всё нормально, я контролирую ситуацию»*. Рядом замерла бледная как полотно Ария, сжимающая поднос с такой силой, что её костяшки побелели.

Медленно опустив поднос на стойку, я покорно иду следом за хозяином заведения.

На улице нас встречает сырая, прохладная нью-йоркская ночь. Капо молча подходит к припаркованному в тени массивному черному автомобилю и лично распахивает переднюю пассажирскую дверь. Замерев на секунду у порога, я делаю глубокий вдох и сажусь в кожаный салон. Мужчина обходит капот и устраивается на водительском сиденье рядом. Тяжелые двери захлопываются, намертво запирая нас в тесном, удушающем пространстве, пропитанном запахом дорогого парфюма и опасности.

— Откуда ты здесь взялась? — его голос звучит грубо, разрезая тишину салона, как скальпель.

Я упрямо смотрю прямо перед собой на лобовое стекло:

— Отсюда. Родилась и выросла в этом городе, — отзываюсь тихо.

— Кто твои родители?

Я косо гляжу на его жесткий профиль, окончательно настораживаясь:

— А вам это зачем? Я что-то нарушила? Просчиталась в

заказах?

Капо кривит губы в холодной, пугающей полуулыбке:
— Нет. Мне просто нужно кое-что проверить.

Внезапный резкий стук в боковое стекло заставляет меня испуганно вздрогнуть. Мужчина спокойно нажимает кнопку, опуская тонированное стекло. На улице у дверцы стоит парень в глухой темной одежде, чье лицо практически полностью скрыто глубоким капюшоном. Капо едва заметно кивает ему. Незнакомец быстро садится на заднее сиденье и принимается шуршать молнией кожаной сумки.

Я инстинктивно вжимаюсь в дверцу, пытаюсь занять как можно меньше места.

— Дай руку, — спокойно, обыденно произносит парень с заднего сиденья.

Я растерянно перевожу взгляд с незнакомца на профиль водителя.

— З-зачем? — шепчу я, чувствуя, как паника ледяными пальцами сжимает горло.

— Не дергайся, — голос Капо звучит твердо и веско, как гранитная плита. — Тебе ничего не сделают. Обещаю.

Я медлю, не в силах преодолеть внутреннее отторжение. Мои ладони сами собой сжимаются в плотные кулаки. Я физически не могу добровольно протянуть руку чужаку. Видя мое замешательство, в глазах Капо вспыхивает опасное, злое раздражение. Одним резким, молниеносным движением он сам перехватывает мое запястье железной хваткой. Я пыта-

юсь дико рвануться, паника затапливает сознание с головой, но его рука — стальной капкан. Не вырваться.

В ту же секунду тонкая игла шприца безжалостно проби-
вает кожу в локтевом сгибе.

Я вскидываюсь на сиденье, не сдержав громкого крика, в
котором смешались острая боль, дикий страх и первобытный
ужас.

— Хватит хныкать! — его утробный рык грохочет в за-
мкнутом пространстве машины, заставляя меня замолчать.
— У тебя всего лишь взяли каплю крови на анализ.

Я испуганно забиваюсь в угол кожаного кресла, судорож-
но прижимая ладонь к пострадавшей руке, туда, где под ко-
жей еще горит след от иглы. Дыхание окончательно сбывает-
ся, в ушах стоит оглушительный, пульсирующий шум. Смот-
рю на этого человека со смесью дикого ужаса и глухой нена-
висти.

— Зачем вы это сделали?.. — едва слышно выдавливаю я
пересохшими губами.

Парень на заднем сиденье, бережно спрятав пробирку,
молча покидает салон и глухо захлопывает за собой дверь.
Капо продолжает сидеть неподвижно. Его спокойный, невоз-
мутимый взгляд намертво прикован к моему лицу.

— Откуда у тебя это пятно на шее? — его голос звучит
ровно, почти лениво, но я чувствую скрытое в нем колос-
сальное напряжение.

Я машинально тянусь пальцами к основанию черепа сза-

ди, нащупывая небольшое, едва заметное родимое пятнышко, с которым живу всю свою жизнь.

— Оно у меня с самого рождения, — тихо произношу я, поспешно опуская глаза в пол, чтобы он не прочел мою слабость.

Повисает долгая, невыносимая пауза. Тишина в салоне становится настолько плотной, что её, кажется, можно резать ножом.

— Я могу уйти? — спрашиваю я почти беззвучным шёпотом.

Мужчина изучает мое лицо еще одну бесконечную секунду. А затем делает короткий, едва заметный кивок головой:

— Иди.

Я буквально вырываюсь наружу. Толкаю тяжелую дверь, выскакиваю на прохладный асфальт и, не оборачиваясь, почти бегом несусь обратно к спасительным дверям клуба, чувствуя, как мои колени предательски подкашиваются от пережитого кошмара.

Глава 5

После той безумной ночи в машине Капо прошло четыре дня. Я сознательно никому не рассказывала о случившемся — ни Нэйту, ни Арии. Да и что я могла им сказать, если сама толком не понимала, зачем этим опасным людям понадобилась моя кровь? В голове безостановочно крутились тысячи вопросов, но ни одного вменяемого ответа так и не находилось.

Утро началось паршиво. Я проснулась абсолютно разбитой. Кое-как доковыляла до ванной — этот чёртов смеситель опять капал, раздражающе отбивая ритм. Из-за его монотонного стука я всю ночь не могла сомкнуть глаз. Приняв быстрый, обжигающий душ, я попыталась смыть с себя эту липкую усталость вместе с потоками воды.

Стоило мне выйти в коридор, как в тяжелую деревянную дверь бесцеремонно забарабанили. Ария, больше некому. Только у неё был этот уникальный талант врываться в мое скромное жилище по утрам, действуя на манер стихийного урагана. Даже не взглянув в дверной глазок, я на чистом автopilоте дернула защелку и распахнула створку.

И замерла.

На моем пороге стояла вовсе не подруга. Передо мной высился высокий, широкоплечий парень. Чужой... но в то же время до боли знакомый.

— Эм... вам кого? — спросила я, чувствуя, как внутренности мгновенно скручиваются в тугой узел от дурного предчувствия.

Вместо ответа незнакомец вальяжно уперся ладонью в косяк, не сводя с меня плотоядного, сканирующего взгляда. Он медленно, с ленивой грацией хищника оглядел меня с головы до ног, и его угольно-черные глаза сфокусировались на моем животе. Только в этот момент до меня дошло, что я стою перед ним в одном ультракоротком топе и домашних шортах. Волосы были абсолютно мокрыми, и тяжелые прохладные капли всю стекали по оголенной коже шеи и ключиц.

Инстинктивно вспыхнув от смущения, я резко прикрыла ладонью старый шрам на животе. Сердце в груди испуганно завело сумасшедший набат.

— Рыжая, — его голос прозвучал хмуро, глухо, с каким-то странным удовлетворением. Будто этот факт объяснял ему абсолютно всё.

Моя интуиция взвыла: ничего хорошего этот визит не предвещал. Я рванулась вперед, пытаюсь с силой захлопнуть дверь, но парень среагировал молниеносно — выставил вперед тяжелый ботинок, намертво блокируя створку.

— И так-то ты встречаешь гостей, колючка? — на его мраморном лице расцвела наглая, порочная ухмылка. Это был тот самый дерзкий брат из клуба.

— Что вам здесь нужно? — мой голос предательски дрог-

нул, но я изо всех сил постаралась удержать маску ледяного безразличия.

Он заглянул мне прямо в глаза, и его зрачки опасно сузились:

— Ты.

Душа моментально провалилась куда-то в пятки.

— Что-то слишком много желающих на мою скромную персону в последнее время. В очередь встаньте, — попыталась я съязвить, хотя внутри всё дрожало от подступающей паники. Я навалилась на дверь всем весом, тщетно пытаюсь преодолеть его сопротивление, но он даже не шелохнулся — его сила была за гранью человеческой.

— Зачем я вам?! — зарычала я, упираясь ногами в половицы.

— Не зли меня, девочка, — его тон мгновенно растерял всю шутливость, став угрожающе твердым. — Отпусти чертову дверь. Я не хочу причинять тебе боль. По крайней мере — не сейчас.

Воздуха в легких катастрофически не хватало.

— Да блин! Можно я хотя бы оденусь нормально?! — раздраженно выдохнула я, резко отпуская ручку и пятясь вглубь темного коридора.

Он не сводил с моего тела цепкого взгляда:

— Иди. Жду.

Я круто развернулась и почти бегом бросилась в спальню. Вдогонку мне прилетел его низкий, бархатистый смешок:

— Пиздец ты аппетитная, рыжая.

— Пошел ты в жопу! — выкрикнула я, не оборачиваясь.

За спиной раздался его громкий, искренний хохот. Я с грохотом захлопнула дверь спальни, прижалась к ней спиной и попыталась судорожно отдышаться. Сердце колотилось так, что больнобило в ребра.

План созрел мгновенно. Сдаваться без боя я не собиралась.

Я бесшумно подскочила к окну, распахнула створки и ловко перемахнула через подоконник прямо на ржавые ступени пожарной лестницы. Стараясь не производить лишнего шума, я принялась стремительно спускаться вниз, к перелуку. Едва моя нога коснулась нижней бетонной площадки, как сверху, из окна моей квартиры, донесся яростный, оглушительный крик:

— Ах ты сучка рыжая! Децибел тебе в уши!

Вскинув голову, я наткнулась на перекошенное от злости лицо. Не раздумывая ни секунды, я с широкой улыбкой продемонстрировала ему средний палец.

— Лови момент, ублюдох, — прошептала я себе под нос и припустила к своему байку. Натянуть шлем, запрыгнуть в седло и завести мотор заняло у меня от силы секунды три. Мощный рев раскатился по подворотне, и я со свистом сорвалась с места, сжигая резину об асфальт.

Дорога летела под колеса сплошной серой лентой. Сердце пульсировало где-то в районе горла. Он явно приехал на ма-

шине, а в утренних пробках Нью-Йорка у его четырех колес не было ни единого шанса догнать мой маневренный байк.

Спустя пятнадцать минут я притормозила у дома Нэйта. Ехать на работу в клуб я не рискнула — было очевидно, что караулить меня будут именно там.

Ария встретила меня на крыльце со своей привычной, жизнерадостной улыбкой:

— Привет, Огонек! Решила взять с меня пример и прогулять утреннюю смену у папы?

— Ну... можно и так сказать, — отозвалась я нарочито ровным голосом, тщетно пытаясь спрятать зажатые кулаки в карманы куртки.

Из глубины прихожей тут же показалась Тания, тепло улыбнувшись мне:

— Привет, родная! Проходи скорее, чай как раз заварился.

— Привет, — я коротко кивнула, выжав из себя подобие улыбки, и выразительно посмотрела на подругу. Ария мгновенно считала мой затравленный взгляд и тут же подхватила инициативу:

— Мам, мы к себе в комнату! У нас тут срочные девчачьи секреты, некогда чаи гонять.

— Ну идите, деловые, — Тания лишь весело махнула рукой и скрылась на кухне.

Стоило нам запереть дверь её спальни, как я впервые за это безумное утро смогла полноценно выдохнуть. Я устало

зашвырнула рюкзак на кровать и обессиленно прислонилась лопатками к стене.

— За мной гонялся тот парень, — выдохнула я, чувствуя, как подкашиваются колени.

Ария резко развернулась ко мне всем телом, её брови взлетели вверх:

— Стоп. Что? Какой еще парень, Рей?

— Брат Капо. Помнишь того дерзкого красавчика в из бара?

— Господи... И что ему от тебя понадобилось?

— Да черт его знает! Но мне реально страшно, Ари. Они взяли мою кровь, а теперь пришли за мной лично.

Подруга испуганно округлила глаза, быстро подошла ближе.

— Так. Без паники, Рей. Дыши глубже. Ты сейчас здесь, со мной. В наш дом они не сунутся, папа этого так не оставит. Всё будет хорошо, слышишь?..

БУМ.

Договорить она не успела. Тяжелая деревянная дверь спальни с оглушительным, сокрушительным грохотом распахнулась от мощного удара ноги. Мы с Арией синхронно вскрикнули, инстинктивно вжимаясь спинами в самый угол комнаты.

На пороге вырос он. Второй брат. Его угольно-черные глаза полыхали такой первобытной, ледяной яростью, что воздух в комнате мгновенно упал до минусовой температуры.

Он перевел свой неподъемный взгляд на меня, а затем медленно перенаправил его на замершую рядом Арию. Его голос прозвучал низко, веско, не оставляя ни единого шанса на спасение:

— Либо ты сейчас спокойно, своими ногами идешь за мной в машину... либо будет очень больно. И поверь мне, девочка, уже не только тебе.

Его тяжелый, обещающий расправу взгляд замер на лице Арии. Долго. Отрешенно. Холодно.

— Всё нормально, Ари, — тихо, одними губами произнесла я, слегка сжав пальцы подруги, давая ей понять, что игра окончена.

Медленно отлепившись от стены, я сделала шаг вперед, изо всех сил стараясь удерживать лицо спокойным, хотя внутренности скручивало от дикого страха. Ария, бледная как смерть, упрямо двинулась следом за мной шаг в шаг, готовая защищать меня до последнего. Я обернулась через плечо и твердо скомандовала:

— Ария, останься здесь. Пожалуйста.

Мужчина молча отступил в сторону, освобождая дверной проем, и коротким кивком головы указал мне на выход.

Мы спустились на первый этаж. Проходя мимо кухни, я отчетливо услышала, как Тания спокойно, мирно разговаривает с кем-то.

На залитой солнцем улице у тротуара уже поджидал массивный черный внедорожник. Облокотившись на полиро-

ванный капот, у дверцы стоял тот кому я показал средний палец. Заметив мое появление, он лениво окинул меня взглядом сверху вниз, и в его черных глазах не было ни тени прежней утренней улыбки. Только холодное превосходство. Мысленно я горько усмехнулась: *«Ну и чему ты радовалась, дура, когда показывала ему палец?»*

Секунда — и сильный, бесцеремонный толчок в лопатки заставил меня покачнуться. Я резко обернулась: Он стоял ко мне практически вплотную, подавляя своей монолитной фигурой и тяжелой аурой хозяина жизни.

Меня мягко, но поразительно жестко и безапелляционно направили прямиком к распахнутой задней дверце автомобиля.

— Садись.

Крепко сжав губы, чтобы не выказать своего страха, я послушно забралась на кожаное сиденье, стараясь держать спину идеально ровной. Тот мгновенно устроился на пассажирском кресле рядом со мной, блокируя выход, а Мэйсон ловко прыгнул за руль.

Тяжелые двери захлонулись с глухим, фатальным стуком, отрезая меня от прежней жизни.

Цербер

Я всегда думал, что знаю, что такое настоящая грязь. Знал, каково это — выполнять чужие приказы, делать то, от чего наизнанку выворачивает, и никогда, блядь, не жаловаться, потому что у меня попросту не было выбора. Но с

того самого дня, как в моей жизни появилась она, я потерял способность нормально спать. Её лицо преследует меня в каждом чертовом сновидении. И ладно бы она снилась мне беззащитной жертвой. Нет, Ренайра являлась мне той, кем была на самом деле — сломанной, искалеченной, но упрямо смотрящей мне прямо в глаза.

Я искренне ненавидел себя за эту слабость, но признавать очевидное пришлось: я смертельно, неизлечимо одержим ею. Намного глубже, чем можно себе представить. Я прекрасно знаю, что виноват во всех её ментальных травмах, ведь именно я стал тем, кто сделал первый безжалостный шаг, после которого она превратилась в чужую для самой себя. И теперь... теперь я хочу её снова. И мне нужно не просто её аппетитное тело. Я хочу по кирпичику разобрать то, что когда-то разрушил сам, и построить на этом пепелище нечто совершенно новое. Мне нужны её первобытная злость, её контролируемый страх, её надрывный крик. И я сделаю всё, чтобы в финале этой драмы она сама добровольно выбрала остаться со мной.

Когда четыре дня назад я внезапно увидел её в толпе подпольного клуба «404», то сперва не поверил собственным глазам. Я только что закончил бой на ринге, в ушах еще гремел оглушительный гул, а адреналин заливал сознание. И вдруг — взгляд. Эти огромные, ясные глаза, которые я безошибочно узнал бы даже в абсолютной, крошечной тьме. Именно в ту секунду я понял: наш личный ад начинается за-

ново. Только теперь это произойдет не по приказу моего конченного папаши, а исключительно по моей собственной воле. И на этот раз она останется со мной, даже если будет кричать от бессилия и ненавидеть меня до своего последнего вздоха.

Мой отец был самым ничтожным и мерзким ублюдком из всех, кого носила эта земля. Он годами управлял мной, как марионеткой: дергал за ниточки, методично ломал волю и наивно полагал, что я до конца дней буду безропотно исполнять его волю. Но старик совершил одну фатальную, непростительную ошибку — он посмел тронуть то, что принадлежало только мне. За это он заплатил сполна — жестко, кроваво и без капли пощады.

Теперь я возглавляю всё, что он когда-то построил. Каждый кирпич этого теневого, грязного бизнеса, каждая криминальная сделка — теперь всё это находится под моей железной рукой. У меня есть преданные люди и вымуштрованные бойцы, готовые выполнить любую грязную работу по первому щелчку пальцев, не задавая лишних вопросов. У меня есть абсолютная власть. Мое имя знают и боятся не только в этом паршивом городе, но и далеко за его пределами. Я держу под тотальным контролем абсолютно всех. Всех — кроме неё.

Ко мне приходят за одним: решить проблемы, которые невозможно уладить законным путем. Убрать лишних свидетелей, заказать конкурентов. Я никогда не задаю вопросов заказчикам. Мне плевать, кто передо мной: обезумевший от

ревности муж, коррумпированный чиновник высокого ранга или очередной криминальный авторитет. Мой принцип прост: чисто, быстро, пуля в цель и никаких следов. За это меня уважают. Мой личный номер передают из уст в уста как секретный пароль в мир, где все вопросы решаются свинцом. Если ты пришел к Церберу — назад дороги уже нет. Это имя мне дали за абсолютное хладнокровие. Ни жалости, ни секундных колебаний.

Мать бросила меня, когда я был еще младенцем, а отец решил вырастить из меня бойцовую собаку. Одно его слово — и я шел убивать. Без лишних эмоций. И делал это лучше всех остальных. Но рядом с Ренайрой все мои настройки сбивались к чертям. Стоило мне взглянуть на неё, как под толстым слоем многолетнего льда просыпалась похороненная заживо тяжесть. Я до безумия хотел забрать её себе. Всю, без остатка.

Она осталась всё той же упрямой девчонкой, но при этом пугающе изменилась. Светлая, почти фарфоровая кожа с очаровательной россыпью мелких веснушек на щеках и переносице. Пухлые, сочные губы естественного нюдового оттенка. И эти глаза... Чистота в них была такой ошеломляющей, что мне одновременно хотелось и утонуть в ней, и сломать её к чертям. А её тело... За эти годы она стала еще более аппетитной. Тонкая, изящная талия, плавные, манящие изгибы бедер и задница, словно вырезанная из самого сладкого греха. Настоящая мечта. Та женщина, к которой хочет-

ся прижаться всем телом, вжаться до хруста костей и больше никогда не отпускать от себя.

Она даже близко не понимает, насколько сильно я её хочу и на что именно готов пойти ради этого. Я стал следить за ней, как заправский сумасшедший. И да, я болен ею целиком и полностью. Без вариантов. Я наизусть выучил каждое её движение, каждый ежедневный маршрут. Любой мужчина, который смел прикоснуться к ней, мгновенно попадал в мой черный список.

Когда мои люди доложили, что она участвует в подпольных ночных гонках на байках, я был в крошечном бешенстве. Нахрена ей этот неоправданный риск?! Это опасно, грязно и совершенно не для неё. Но она стояла там, на стартовой линии — в своем тяжелом кожаном бомбере, с ледяным лицом и глазами, в которых полыхал чистый огонь. Я физически не мог отвести от неё взгляда, поэтому поехал следом. Держался на безопасном расстоянии, контролируя трассу.

И когда я увидел, как какой-то ублюдок на полной скорости умышленно протаранил её байк, животный инстинкт сработал мгновенно. Мне оставалась ровно секунда до того, чтобы на своем тяжелом мотоцикле с ходу влететь в этого смертника и заживо размазать его по асфальту. Ренайра выровняла руль и продолжила гонку. Гордая, упрямая колючка, державшаяся так, словно ничего не произошло. Но я уже вынес тому мудаку смертный приговор. Пусть пока пораду-

ется, что дышит, его дни сочтены. Я вернусь за ним очень скоро.

Я тенью следовал за ней всю оставшуюся ночь. Шум толпы, музыка и неоновые огни вечеринки размывались, превращаясь в невнятный фон. В фокусе была только она. Ренайра танцевала, смеялась и делала вид, что ей весело, но я видел её насквозь. За этой глянцевою маской скрывалось то, что она находилась на самом краю бездны.

Когда она в панике сорвалась с площадки и забилась в темноту между бетонными блоками, я подошел ближе. Двигался медленно, чтобы не спугнуть, но достаточно монолитно, давая понять: выхода нет. А затем протянул руку и аккуратно, невесомо коснулся её ладони, убирая огненную прядь с лица. Она мелко задрожала всем телом.

— Я никогда не причиню тебе боль, — тихо произнес я тогда, глядя в её испуганные глаза.

И это было похоже на священную клятву. Клятву, которую я однажды, много лет назад, уже вероломно предал.

Глава 6

Я неотрывно смотрю в тонированное окно. В салоне внедорожника повисла вязкая, почти осязаемая тишина, которую нарушают лишь мягкий шорох шин по безупречному асфальту да редкие помехи в динамиках радиостанции.

Парень, сидящий со мной на заднем сиденье, не отводит от моего профиля цепкого, тяжелого взгляда. Он наблюдает за мной так пристально и бесстрастно, словно я — подопытная мышь в лабораторной клетке. Наконец я просто не выдерживаю этого давления. Резко развернувшись к нему всем телом, я буквально сверлю его глазами:

— Тебе что, заняться больше нечем, ублюдок? — шиплю я с плохо скрываемым раздражением.

Младший лишь лениво приподнимает уголки губ, ничуть не задетый моей вспышкой:

— Отчего же. Мне безумно нравится наблюдать за дикими bestиями, — отзывается он бархатистым, тягучим тоном.

Придурок конченный. Я выразительно закатываю глаза к потолку машины, готовая придушить его прямо здесь. Нашу немую войну неожиданно прерывает голос водителя — его среднего брата, Мэйсона, который уверенно ведет массивный автомобиль вперед.

— А ты шустрая, рыжая, — Мэйсон коротко улыбается, поймав мое отражение в зеркале заднего вида. — Единствен-

ная девчонка, которой удалось так красиво обвести моего брата вокруг пальца на пожарной лестнице. Похвально.

Я скептически хмыкаю, упрямо скрещивая руки на груди и переводя взгляд на лобовое стекло.

— А куда вы меня вообще везете? — я начинаю внимательно оглядываться по сторонам, и внутри шевелится нехорошее предчувствие.

Пейзаж за окном стремительно меняется. Привычные грязные окраины Нью-Йорка, обшарпанные многоэтажки и серые промзоны остались далеко позади. Теперь вокруг раскинулась совсем другая, сытая реальность: огромные частные владения, вековые раскидистые деревья, ухоженные поля и монументальные особняки, больше похожие на средневековые замки.

— Скоро сама всё увидишь, — спокойно бросает Мэйсон.

В груди рождается очень странное, парадоксальное ощущение. По всем законам логики мне сейчас следовало бы биться в истерику, паниковать, орать во всё горло и требовать немедленных объяснений. Но мне почему-то совсем не страшно. Внутри царит глухое, звенящее спокойствие. Будто меня не похитили среди бел дня, а просто... везли туда, где я и так должна была оказаться.

Внедорожник плавно сворачивает с шоссе и катится по длинной аллее, окруженной высокими деревьями. Я смотрю вперед — и у меня перехватывает дыхание. Настоящий замок. Огромное, величественное здание из светлого теса-

ного камня поражает безупречной симметрией, высокими арочными окнами и массивными дубовыми дверями. Фасад здания утопает в теплом сиянии уличных фонарей, каждый балкон украшен изящной кованой вязью, а крыша глубокого синего оттенка венчается остроконечными башенками. По центру идеального мощеного двора бьет многоярусный фонтан — потоки воды с тихим журчанием стекают по каскадам белоснежных мраморных чаш, подсвеченные мягкими огнями. Вокруг расстилаются идеально подстриженные изумрудные газоны и декоративные кусты, выверенные словно по линейке.

Машина замедляет ход, и колеса едва слышно шуршат по дорогой плитке. Господи... куда меня привезли? Это место буквально пахло колоссальными деньгами. Безграничной властью. И чем-то еще — скрытым, глухим, смертельно опасным. Каждая деталь этого ландшафта кричала о том, что здесь правит человек, привыкший контролировать окружающий мир до самого последнего миллиметра.

Я судорожно хватаюсь за кожаную дверную панель, и мои пальцы сжимаются сильнее, чем нужно. В горле пересыхает.

Братья покидают салон первыми. Я остаюсь сидеть на заднем сиденье, мертвой хваткой вцепившись в пластиковую ручку, будто эта хрупкая деталь способна защитить меня от надвигающейся бури. Младший оборачивается ко мне, опасно прищулив черные глаза:

— Тебе что, нужно особое приглашение на ковровой до-

рожке? — в его низком голосе звучит откровенная, ленивая насмешка. Он со всей силы хлопает ладонью по крыше автомобиля. — Вылезай давай, не заставляй нас ждать.

С противоположной стороны Мэйсон молча распахивает мою дверцу и делает короткий, веский жест рукой: «*Выходи*».

Я медленно выбрасываю ноги на асфальт. Колени кажутся абсолютно ватными, но я заставляю свой стержень держать удар — выпрямляюсь и стою ровно.

— Пошли, — бросает Мэйсон и, развернувшись, уверенным шагом направляется к массивным дверям резиденции.

Я послушно следую за ним, жадно фиксируя каждую деталь. Здесь действительно была совсем другая вселенная. Вокруг территории рассредоточены десятки мужчин в идеально подогнанных строгих костюмах, вооруженная охрана дежурит у каждого входа, и взгляд у всех этих бойцов один и тот же — колючий, сканирующий, профессионально выверяющий любую угрозу. Я физически чувствую эти взгляды своей кожей.

А младший тем временем лениво плетется прямо у меня за спиной. Свободная, расслабленная походка хищника, руки в карманах штанов, а на лице — вечная наглая ухмылка. Боковым зрением я отчетливо улавливаю, куда именно направлен его плотоядный взгляд. Прямо на мои бёдра. Точнее — сильно ниже поясницы.

Резко развернувшись на месте, я ожгла его яростным

ВЗГЛЯДОМ:

— Еще раз, идиот, посмеешь вылупиться на мой зад — клянусь, я влеплю тебе между ног так, что свои зубы в кармане понесешь.

Парень на долю секунды опешил, округлив глаза от такой наглости. А в следующее мгновение он начинает ржать — так громко, размашисто и искренне, что его издевательский хохот раскатистым эхом разносится по всему безупречному двору. Насмешливо фыркнув, я разворачиваюсь обратно и уверенно шагаю к дверям.

Стоит мне переступить порог холла, как я снова замираю от шока. Потолки здесь настолько высокие, что кажется, будто сам воздух имеет совсем другую плотность. Величественная изогнутая лестница из темного дерева ведет на второй этаж, напоминая кадры из культовых фильмов о могущественных мафиозных кланах. Каждая мраморная ступень подсвечена мягким, приглушенным золотистым светом, отчего колоссальное помещение кажется одновременно теплым и пугающе мощным. Глянцевый пол отражает огни хрустальных люстр и ламп. Огромная гостиная обставлена белоснежными кожаными диванами, на полированных столах покоятся дорогие коллекционные книги, хрусталь и блестящие интерьерные мелочи, которые без слов кричат: здесь всё безумно, запредельно дорого.

Сквозь панорамные окна во всю стену виден пылающий закат. Кроваво-красное небо горит за горизонтом, и этот

прощальный свет заливает роскошный зал мягким оранжево-золотым градиентом. Красиво? Безусловно. Но в этой роскоши нет ни капли домашнего уюта. Это — чистый манифест абсолютной власти.

Я невольно оборачиваюсь, поймав спиной очередное тактильное ощущение — младший по-прежнему вышагивает следом, самодовольно ухмыляясь и с упоением наблюдая за моей реакцией. Ему доставляет садистское удовольствие видеть, насколько я чужая во всем этом великолепии. Словно я — очередной экзотический трофей, который они доставили в свой фамильный замок. Я упрямо расправляю плечи и делаю глубокий вдох, беря эмоции под жесткий контроль.

Братья ведут себя здесь как полноправные хозяева. Младший с ходу плюхается на огромный кожаный диван, небрежно перехватывает со стола геймпад и щелкает кнопкой — плазменный экран во всю стену загорается, наполняя зал басовыми звуками видеоигры. Мэйсон неспешно направляется в сторону кухни, даже не удостоив меня мимолетным кивком.

А я... я просто остаюсь стоять в самом центре этого глянцевого великолепия, совершенно не понимая, что мне делать дальше.

Тот придурок, что развалился на диване, отрывает ленивый взгляд от экрана и смотрит на меня со своей фирменной, самодовольной ухмылкой:

— Брат скоро придет, — роняет он, возвращаясь к игре.

— Можешь пока приземлиться сюда, — он небрежно кивает на мягкие подушки рядом с собой. А затем его улыбка становится еще шире, порочнее, и он с тихим хлопком хлопает ладонью по собственным бедрам: — Или вот сюда. Место нагрето.

Я медленно приподнимаю брови, натягиваю на лицо самую приторную, фальшивую улыбку, на которую только способна, делаю к дивану один размеренный шаг... и с колоссальным наслаждением демонстрирую ему средний палец прямо перед носом.

Его оглушительный, довольный смех снова заполняет пространство гостиной. Я резко отворачиваюсь, пряча зажатые кулаки в карманы, чтобы не видеть этой победоносной ухмылки.

В этот момент тяжелые входные двери позади меня с грохотом распахиваются. По мраморному глянцу пола раздаются глухие, мерные, неподъемные шаги. Я оборачиваюсь на звук.

Это он. Капо. Старший брат.

Его ледяной взгляд первым же делом намертво приковывается к моему лицу — короткий, сканирующий, колющий зажим. Затем его внимание переключается на младшего, занявшего весь диван.

— Вы что так долго, блядь? — его утробный рык звучит сдержанно, но в нем отчетливо вибрирует опасное, штормовое раздражение. Старший проходит мимо меня вглубь зала,

и шлейф его дорогого, терпкого одеколона мгновенно заполняет легкие.

— Твой драгоценный Картер умудрился проебать её прямо у квартиры, пришлось прочесывать город и выковыривать рыжую из дома Нэйта, — усмехается Мэйсон, как раз выходит из кухни с ледяной банкой колы в руке.

Он плавно подходит ко мне и молча протягивает жесть. Я перехватываю банку на чистом автомате, но пить, разумеется, не собираюсь — сжимаю холодный металл в пальцах, используя его как своеобразный защитный щит.

Капо замирает у подножия лестницы, разворачивается к братьям на пол-оборота, и его безупречное лицо каменеет, тяжелея на глазах.

— Вы серьезно?.. Пиздец просто, — зло бросает он, и от его тона младший мгновенно откладывает геймпад в сторону. Старший круто разворачивается и бросает через плечо: — Живо все трое за мной в кабинет. Разговор есть.

Братья без единого лишнего слова поднимаются со своих мест и послушно шагают вслед за Капо по ступеням. Я двигаюсь следом замыкающей, сжимая жестянку колы с такой силой, что мои ногти белеют от напряжения.

Мы заходим в его личный кабинет, и здесь атмосфера меняется кардинально. Никакого лоска гостиной. Здесь царит спартанская, холодная и строгая обстановка: темное массивное дерево, бесконечные стеллажи с папками и огромный письменный стол по центру. Воздух здесь настолько наэлек-

тризован, что дышать становится физически тяжело.

Капо опускается в свое кожаное кресло, откидывается на спинку и сжимает пальцы в замок перед лицом. Его хмурый, прицельный взгляд устремлен на братьев. Тишина между нами тянется несколько бесконечных, удушающих секунд.

Наконец младший брат нарушает это безмолвие, нахмурившись и кивнув в мою сторону:

— Так нахрена тебе вообще понадобилась эта... бестия, Массимо? Ради чего весь этот цирк с похищением?

Капо смотрит на него долго. Холодно. Медленно. А затем переводит взгляд на меня.

— Прямо сейчас вы должны кое-что узнать. Узнать и принять это как неоспоримый факт, — его стальной голос звучит абсолютно ровно, без единого намека на человеческие эмоции.

Он выдвигает тяжелый ящик стола, достает оттуда несколько плотных папок, вытаскивает официальные бланки с результатами ДНК-экспертизы и с сухим, фатальным хлопком шлепает документы прямо на полированную древесину.

Мы все четверо неотрывно уставились на белые бланки генетической экспертизы. Наступившая в кабинете тишина звенела в ушах, становясь невыносимо плотной.

Массимо медленно протянул руку, взял одну из папок, лениво пролистал её пару секунд, после чего резким движением протянул документы среднему брату.

— Мэйсон, читай, — скомандовал он абсолютно спокой-

ным, не терпящим возражений тоном.

Средний брат без лишних слов перехватил бумаги и раскрыл их. Его взгляд принялся стремительно бегать по отпечатанным строчкам. Сначала он просто читал с легким скепсисом, но уже через секунду его брови сошлись на переносице. Вся фигура Мэйсона заметно напряглась, а пальцы сжались на листах с такой силой, что плотный картон ощутимо примялся.

— Что это за херня?.. — его обычно бархатистый голос прозвучал глухо, низко и растерянно.

Массимо ответил ровно, даже не шелохнувшись в своем кресле:

— Это официальное медицинское подтверждение нашего родства.

Мэйсон медленно поднял от документов тяжелый взгляд, хмурясь всё сильнее:

— Нашего? В каком, блядь, смысле?

Старший брат опустил сцепленные в замок ладони на полированную поверхность стола. Он посмотрел в упор сначала на меня, а затем перевел прицельный взгляд на замерших братьев.

— Она наша сестра. Родная, по крови.

Повисла секундная, удушающая пауза. А затем все три пары угольно-черных глаз одновременно, словно по невидимой команде, повернулись в мою сторону. Под этим тройным прицелом я инстинктивно сделала резкий шаг назад,

чувствуя, как испуганное сердце мгновенно пускается в сумасшедший галоп.

— Ты сейчас это серьезно говоришь, Массимо?! — Мэйсон круто развернулся к старшему, и его тон стал взвинченным, балансирующим на грани паники.

— Ты сам только что держал в руках документы, — холодно бросил Капо.

— Да она же... она совсем другая, — Мэйсон явно растерялся, тщетно пытаюсь подобрать правильные слова и переводя ошарашенный взгляд на мои огненные волосы.

Массимо смотрел прямо перед собой — непоколебимо, жестко и твёрдо.

— Наша мать была рыжей от рождения. Вы были совсем сопляками, поэтому почти не помните её настоящего облика до того, как она начала намертво перекрашивать волосы в черный цвет.

В этот момент Картер — младший из братьев, который весь вечер вел себя вызывающе нагло — резко вскочил со своего кресла, яростно вскинув руку в воздух:

— Да ну нахрен, блядь! Быть того не может! — он круто отвернулся к окну, тяжело дыша и тщетно пытаюсь переварить услышанное.

— Картер, сядь на место.

Голос Массимо гроыхнул по пространству кабинета, словно хлесткий выстрел калибра .45. Жёсткий, безапелляционный, вибрирующий первобытной силой. От этой звуко-

вой волны в воздухе я сама невольно вздрогнула, вжимаясь спиной в книжный шкаф.

Младший брат замер на долю секунды, его челюсть судорожно сжалась, но перечить Капо он не рискнул — медленно, неохотно опустил обратно в глубокое кожаное кресло. Его лицо сейчас выглядело мрачным и откровенно злым.

Я стояла посреди этой чужой роскоши, судорожно сжимая пальцы, а мой взгляд лихорадочно метался между тремя мужчинами. Окружающий мир только что с треском перевернулся с ног на голову. Сестра? Я? Их родная кровь? Это походило на затянувшийся безумный бред.

— Этого просто не может быть... вы сто процентов что-то путаете... — выдохнула я пересохшими губами. Голос предательски дрожал, а пульс в висках бил так сильно, что перед глазамиплыли темные пятна.

— Твои биологические родители... Оливия и Роберт. Те же самые люди, что произвели на свет нас троих, — спокойно, глухо отозвался Массимо.

— Но как?.. — я перешла на едва слышный шепот, чувствуя, что легким катастрофически не хватает кислорода.

Старший брат посмотрел на меня неподъемным, свинцовым взглядом, который буквально придавливал к полу:

— Я скажу это только один раз. И с этой секунды вся твоя привычная жизнь меняется раз и навсегда. Всем всё понятно?

Я промолчала, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Его

братья лишь синхронно и угрюмо кивнули, не смея спорить с лидером клана.

Массимо глубже откинулся на спинку кресла. Его тон стал чуть тише, но в нем по-прежнему звенела закаленная сталь:

— Когда мать сбежала от нашего отца, мне было шестнадцать лет. Мэйсону — пять. Картеру — всего два. Старик Роберт был... редким, конченным ублюдком, вы это знаете. Мать просто не выдержала его садизма и дала дёру, бросив нас. Отец после её исчезновения окончательно съехал с катушек. То, что происходило в этом доме дальше, сейчас не имеет значения. Но когда я повзрослел и старик больше не мог ломать мою волю, он начал меня панически бояться. В конце концов он трусливо сбежал, а я взял всю власть в свои руки. Поднял синдикат с нуля, выстроил этот бизнес заново. И очень долгое время мне было плевать на судьбу матери. Я даже не пытался её искать — считал, что она сама выбрала свой путь.

Массимо сделал паузу, и его глаза потемнели, превращаясь в две бездонные пропасти.

— Прошло пятнадцать лет. И только недавно мои люди раскопали старые медицинские архивы. Оказалось, когда мать бежала из особняка, она уже была беременна. В глубокой тайне от отца она родила... дочь.

Он замолчал, уставившись прямо на меня.

— Я перерыл весь Нью-Йорк в поисках твоих следов. И какая же ирония кроется в том, что всё это время моя род-

ная кровь находилась... прямо у меня под носом, развлекая брокеров в моем собственном клубе.

— Но... — я попыталась вытолкнуть из горла хоть какое-то возражение, но слова намертво застряли. Мысли хаотично крутились и сбивались в бесформенную кучу, утягивая меня на дно.

Массимо выпрямился, чеканя каждое слово:

— Мое имя Массимо. Это, — он коротко кивнул в сторону среднего брата, — Мэйсон. А это — Картер.

Три имени. Три хищных лица. Три пары тяжелых глаз, намертво впившихся в мою фигуру. Вся моя прошлая жизнь — с её нищетой, отцовскими побоями, одиночеством и шрамами на спине — пронеслась перед глазами за долю секунды. Но шрамы научили меня главному — держать удар.

Я сделала глубокий вдох, силой возвращая себе самообладание. Гордо вскинула подбородок и посмотрела на Массимо цепким, ледяным взглядом:

— И чего конкретно вы трое теперь от меня хотите? Как-то же мы прекрасно существовали все эти годы друг без друга. Думаю, и дальше без проблем справимся.

Массимо опасно сблизили брови, его зрачки сузились до размеров пулевых отверстий:

— Что ты имеешь в виду? — его тон упал на несколько октав, угрожающе вибрируя. — Ты серьезно полагаешь, что после этого разговора сможешь просто развернуться и уйти к своей прежней жизни в трущобах?

— Да, — твердо бросила я в ответ. — Именно так я и думаю.

Капо резко приподнял брови, и его лицо превратилось в застывшую ледяную маску:

— Нет. Мое слово — закон. С сегодняшнего дня ты пере-
езжаешь жить в этот особняк. Это решение не обсуждается.

Внутри меня всё вспыхнуло от ярости, но я упрямо удержала барьер:

— А я говорю — нет. И это мой окончательный ответ.

Повисла тяжелая, наэлектризованная пауза. Молчание затянулось, пока Картер не фыркнул, раздраженно откидываясь на спинку кресла и кривя губы:

— Да пускай валит и живет где хочет, ради всего святого. Мне вообще вся эта сопливая история с обретенной сестричкой изначально не нравится.

По его недовольному тону было отчетливо слышно: младший брат с самого начала находился в ярости от планов Массимо.

Капо перевел медленный, неподъемный взгляд на Картера. Он смотрел на младшего так долго и удушающе, что воздух в кабинете, казалось, стал осязаемым, со всей силы давя на грудную клетку.

— Я уже сказал, Картер, что решение принято, — глухо процедил Массимо, и от этого ледяного тона по спине продрал мороз.

Младший до скрипа сжал челюсть, но спорить не рискнул

— демонстративно отвернулся к окну и замолчал. Мэйсон всё это время продолжал тихо сидеть в углу, сосредоточенно наблюдая за нашей перепалкой и не пытаясь вмешаться.

Я стояла посреди кабинета, тяжело дыша, а пульс оглушительным набатом бил в барабанные перепонки. И в какой-то момент меня просто сорвало с тормозов. С меня хватит этого дерьма. Хватит похищений, уколов и приказов.

Я вскинула голову, взглянув Массимо прямо в глаза, и до крови вонзила ногти в собственные ладони:

— Это моя жизнь! — выкрикнула я с жестким нажимом на каждое слово. — И только мне решать, где, как и с кем я буду её жить! Я не маленькая беспомощная девчонка, чтобы вы здесь раздавали мне свои криминальные приказы!

В помещении воцарилась гробовая тишина. Массимо сузил глаза, его лицо стало абсолютно каменным. Мэйсон удивленно приподнял брови, а Картер коротко качнул взъерошенной головой, едва заметно усмехнувшись, словно беззвучно шептал: *«А у рыжей-то с характером...»*

Не давая им опомниться и перехватить инициативу, я круто развернулась на каблуках, рывком распахнула тяжелую дверь кабинета и размашистым шагом вышла в коридор. Сердце колотилось так бешено, словно в грудь выстрелили в упор. Я практически бежала по глянцевым плитам пола, стремясь как можно скорее добраться до винтовой лестницы и вырваться из этого проклятого замка.

Но тяжелые, мерные шаги за спиной стремительно при-

ближались, отдаваясь гулким эхом под высокими потолками. Я услышала, как Массимо утробно рыкнул что-то на ходу.

Я принялась спускаться по ступеням, почти перепрыгивая через одну, кожей ощущая его волну первобытной ярости прямо у себя затылком. Но я не собиралась останавливаться. Только вперед. Подальше от них. Наружу. В голове упрямо пульсировала одна-единственная мысль: *«Уйти. Немедленно»*.

И вдруг — резкий, сокрушительный рывок.

Чья-то огромная, стальная ладонь жестко перехватила мое запястье, намертво останавливая меня прямо посреди лестничного пролета. Мое тело по инерции дернулось вперед, но Массимо удержал меня железной хваткой, не позволяя покатиться вниз по мрамору.

— Стой! — рывкнул он, и его оглушительный бас раскатился по всему огромному холлу первого этажа. — Хватит устраивать этот дешевый цирк, Ренайра!

Вспыхнувший триггер от чужого прикосновения мгновенно затопил сознание паникой. Я принялась отчаянно вырывать руку, дергаясь всем телом, пока сердце ломало ребра изнутри.

— Отпусти меня! — практически закричала я, захлебываясь злостью и страхом одновременно. — Ты не имеешь ни малейшего права так со мной обращаться! Слышишь меня?!

Массимо одним мощным движением круто развернул меня к себе лицом. Его черные глаза сверкали первобытным

холодом, а губы были сжаты в бледную, тонкую линию.

— Право? — прошипел он сквозь зубы, наклоняясь ко мне вплотную. — Я твой старший брат. И я не позволю тебе вести себя здесь как капризная, избалованная девчонка. Твой подвал остался в прошлом. Тут тебе не улица. Тут — семья. И ты теперь являешься её полноправной частью, хочешь ты этого или нет.

Я уставилась прямо в его яростные зрачки, тяжело и надрывно дыша. Моя грудь высоко вздымалась под белым топом.

— Семья?.. — бросила я ему в лицо с нескрываемой, глухой горечью. — А где вы, черт вас дери, были раньше, Массимо?! ГДЕ ВЫ ВСЕ БЫЛИ, когда отец ломал меня?!

Массимо до хруста сжал челюсть, так что на его скулах отчетливо заиграли жесткие жилы. Его железная хватка на моем запястье на долю секунды едва заметно ослабла, словно мой удар достиг цели, но взгляд остался прежним — неподъемным и суровым.

— Мы не выбираем время, когда старые тайны всплывают наружу, Ренайра, — глухо произнес он, и в его тоне проскользнула мрачная тень. — Но теперь правда здесь. И бежать от нее у тебя не получится.

Он изучал мое тяжело дышащее лицо еще одну бесконечную секунду, а затем резко, обрывисто разжал пальцы, выпуская мою руку. Развернувшись на пол-оборота, Капо властным жестом указал мне обратно вверх, в сторону ко-

ридора:

— Поднимайся в отведенную тебе комнату. Мы закончим этот разговор позже, когда ты придешь в себя.

Я осталась стоять на широкой мраморной ступени, крупно дрожа от смеси всепоглощающей злости, обиды и полного, удушающего бессилия.

Глава 7

Я стою неподвижно еще несколько бесконечных секунд, судорожно сжимая ладонью запястье — ровно в том месте, где Массимо только что держал меня своим стальным захватом. Кожа до сих пор горит, пульсируя глухой болью от его пальцев. Внутри всё клокочет и плавится: ядовитая обида, бессильная злость, застарелый страх... Весь этот ментальный груз давит на грудную клетку сильнее, чем любое физическое насилие.

Капо больше не удостаивает меня взглядом. Он так и остается стоять на лестничном пролете — монументальный, повернутый ко мне спиной, всем своим видом демонстрируя, что аудиенция окончена. Крепко сжав зубы, чтобы не выдать рвущийся наружу стон, я разворачиваюсь и медленно бреду по мраморным ступеням обратно вверх. Каждый шаг дается с колоссальным трудом, словно ноги по колено налились жидким свинцом. Звук моих грубых ботинок отрывисто и глухо бьет по идеальному камню, а в барабанных перепонках сумасшедшим набатом пульсирует кровь. Какого, блядь, черта здесь происходит?

Я поднимаюсь всё выше, упрямо не оборачиваясь назад. Плечи натянуты до предела, пальцы стиснуты в кулаки. Ока завшись на просторной верхней площадке второго этажа, я невольно замираю в растерянности. Передо мной расстила-

ется бесконечно длинный коридор с вереницей абсолютно одинаковых дверей из темного дерева. Все они наглухо закрыты, и ни единого намека на то, куда именно мне идти. В этот миг я остро, до тошноты ощущаю себя заблудившейся, бесконечно чужой вещью в этом огромном мафиозном склепе.

Тихий скрип позади заставляет меня резко обернуться. На площадку неспешной, вальяжной походкой поднимается Мэйсон. Заложив руки в карманы штанов, он смерил меня спокойным, почти безразличным взглядом, моментально считав мое замешательство. Несколько секунд средний брат просто безмолвно изучает мою напряженную фигуру, а затем едва заметно, устало вздыхает:

— Пошли, — коротко бросает он и, круто развернувшись, направляется вглубь коридора.

Проводив его взглядом, я молча следуя за ним, сохраняя дистанцию. Мы останавливаемся возле третьей двери по левой стороне. Мэйсон берется за латунную ручку:

— Твоя комната, — роняет он просто, без лишних церемоний и пафоса.

Я заглядываю внутрь через его плечо. Огромное пространство. Панорамные окна в пол, дорогая дизайнерская мебель, широченная двуспальная кровать с идеально, до единой складочки заправленным белоснежным бельем. Роскошно. Чисто. И так же... тотально чуждо всему, из чего состоял мой мир.

— Если что-то понадобится — скажешь охране, — добавляет Мэйсон ровным тоном.

Я перевожу на него взгляд, совершенно не представляя, что нужно отвечать в подобных ситуациях. Он бросает короткий кивок и уходит прочь по коридору, так и не оглянувшись. Я остаюсь одна на роскошном пороге. Сделав шаг вперед, я тихо прикрываю за собой тяжелую створку, отрезая себя от внешнего шума.

Внутри меня расплзается абсолютная, удушающая пустота. Медленно выдохнув скопившийся в легких воздух, я обессиленно опускаюсь на самый край матраса, уставившись невидящим взглядом в одну точку на противоположной стене. Я не шевелюсь. Просто сижу в полумраке, инстинктивно поджав колени к груди и обхватив их руками. Мысли в голове крутятся безумным, неуправляемым вихрем от избытка шокирующей информации.

Проходит около двадцати минут. Комнатная тишина начинает казаться тяжелой и осязаемой, словно расплавленный свинец. И вдруг этот вакуум бесцеремонно взрывается резким, коротким стуком. Дверь приоткрывается без какого-либо приглашения или ожидания моего ответа.

На пороге вырастает Массимо.

Он проходит внутрь комнаты уверенно, спокойно, но в каждом микродвижении его мощного тела чувствуется колоссальное, натянутое напряжение. Щелкнув замком, Капо замирает у двери и несколько секунд молча сканирует меня

своими бездонными темными глазами. Его взгляд кажется холодным, но на самом дне я отчетливо улавливаю едва заметную тень... усталости? Или глухого, тщательно подавляемого сожаления?

— Мы не закончили наш разговор, Ренайра, — произносит он наконец, и его бас вибрирует в пространстве спальни.

Я медленно поднимаю голову, еще сильнее вонзая ногти в собственную кожу:

— По-моему, в кабинете я выразилась предельно ясно, — отзываюсь я со смертельной усталостью в голосе.

Массимо опасно прищуривается, делает три размеренных шага в мою сторону, сокращая расстояние, и чеканит слова:

— В нашем мире ничто не бывает так просто, как тебе кажется из твоего мира. Я прекрасно понимаю, что ты сейчас в бешенстве. И ты имеешь на это полное, безоговорочное право. Но прямо сейчас у нас просто нет выбора. Ты — кровь этого клана. Твой переезд сюда... это не моя прихоть, Ренайра. Это вопрос твоей личной безопасности.

Я упрямо хмурюсь и хладнокровно молчу. Смотрю на хозяина этого замка, чувствуя, как внутри новой волной поднимается удушливая злость вперемешку с полным, абсолютным бессилием.

Массимо опускает голос на несколько октав, и его тон становится пугающе тихим, почти спокойным:

— Я не враг тебе, Ренайра. И со временем ты сама это поймешь.

Повисает короткая пауза. Капо вглядывается в мое окаменевшее лицо еще одну секунду, а затем круто разворачивается к выходу.

— Отдыхай. Завтра мы поговорим снова, — бросает он через плечо и покидает комнату, бесшумно притянув за собой дверь.

Я снова остаюсь в компании звенящей тишины, продолжая сверлить глазами закрытый замок. Но легче от его ухода не становится ни на йоту. *«Часть семьи. Вопрос безопасности»*. Звучит чертовски красиво и благородно. Но я всю свою сознательную жизнь умудрялась выживать в одиночку, без их мафиозной опеки. Я никому во всем этом проклятом мире не была нужна. А теперь вдруг — роскошный особняк, жесткие правила, хозяйские приказы. Будто я — безвольная вещь, трофей, который обязан безропотно принять новые условия как должное.

Я с силой закидываю голову назад, до боли зажмуривая глаза. Перед мысленным взором калейдоскопом проносятся призраки прошлого: пустой, безумный взгляд матери-наркоманки, отцовские побои, шрамы на спине, одинокие холодные ночи. И теперь ко всему этому добавляются их глаза. Три пары угольно-черных мафиозных глаз, которые смотрят на меня так, будто я им что-то должна.

«Ты часть семьи», — до сих пор пульсирует в сознании глухой бас Массимо.

Семья... Да где же вы, черт вас дери, были раньше?! Где

вы были, когда я захлебывалась от боли и тонула в одиночестве посреди этого уродливого криминального мира?! Где вы все были, когда мне действительно до крика нужна была семья?!

Резко подорвавшись с матраса, я принимаюсь лихорадочно мерить шагами просторную комнату, крепко обхватив себя руками за плечи. Внутри бушует дикая смесь ярости и полной растерянности. Сердце колотится так, словно готово пробить ребра. Я долго стою у панорамного окна, невидящим взглядом уставившись в глухую ночную темноту сада. Мозг не останавливается ни на долю секунды, гоняя мысли по кругу, словно заевшую, исцарапанную пластинку.

Наконец, шумно выдохнув, я отхожу от стекла. Сбрасываю с себя уличную одежду и на ходу натягиваю безразмерную свободную футболку, извлеченную из рюкзака. Огромная кровать кажется слишком идеальной, слишком новой и чужой. Ложусь на самый край, устраиваясь на боку и уставившись в пустую стену. Прохладный шелк простыней едва заметно вздрагивает от моего рваного дыхания. Темнота. Глухая, давящая, монументальная. С силой сжав подушку пальцами, я зажмуриваюсь. Слез нет — внутри выгорело всё, осталась лишь звенящая пустота и свинцовая усталость, которая накрывает меня с головой. Я упрямо шепчу себе в темноту, что завтра всё обязательно станет проще... хотя прекрасно знаю — не станет.

Я долго ворочаюсь на роскошном ложе, пока наконец не

проваливаюсь в рваный, тревожный сон.

Утро бесцеремонно будит меня ярким светом. Медленно открыв глаза, я первым делом натыкаюсь взглядом на незнакомый потолок — белый, неестественно высокий, украшенный изящной гипсовой лепниной. На долю секунды в голове царит полная дезориентация. А в следующее мгновение реальность вчерашнего дня с размаху бьет под дых.

Особняк. Массимо. Братья. Комната, которая юридически не моя... но теперь вроде как закреплена за мной.

Перевернувшись на спину, я замираю, глубоко и размеренно дыша сквозь нос, чтобы удержать внутри новую волну раздражения и липкой тревоги. Я проснулась с четким ощущением, будто всю ночь не отдыхала, а разгружала вагоны. В комнате царит мертвая тишина, но откуда-то снизу, из глубин огромного дома, уже доносятся едва различимые звуки: приглушенные шаги, шорох дверей, движение. .

Приняв вертикальное положение, я сажусь на край кровати и с силой тру лицо ладонями, пытаюсь собрать мысли в единый кулак. Голова кажется чугунной, всё тело по-прежнему сковано мышечным напряжением. Встаю, подхожу к окну. Улица залита мягким, чистым утренним солнцем. Внизу расстилаются идеально выстриженные изумрудные газоны и безупречно чистые садовые дорожки. Абсолютный, гляцевый покой.

Отойдя от стекла, я бросаю короткий взгляд на кресло, где комом валяются мои вчерашние вещи. Раскладывать одеж-

ду по местным лакированным шкафам? Ну уж нет, сегодня точно не тот день, я здесь ненадолго. Достав из рюкзака чистые вещи — плотные черные джинсы и простую белую футболку, — я переодеваюсь быстрыми, отточенными до автоматизма движениями. Волосы после сна представляют собой полное безумие, поэтому я перехватываю их резинкой, собирая в высокий, небрежный конский хвост, чтобы не путались у лица.

Внимательно всматриваюсь в свое отражение в зеркале. Лицо выглядит бледным, под глазами залегли едва заметные серые тени от недосыпа. Но взгляд... Взгляд остался прежним — упрямым, цепким и чертовски твердым. Нас так просто не сломать.

Ну что ж, погнали.

Запихнув телефон в задний карман джинсов, я перекидываю через руку темное худи на случай, если на улице будет прохладно, и в последний раз окидываю взглядом спальню. Всё вокруг красивое, чистое и бесконечно чужое.

Сделав глубокий, финальный вдох, я решительно подхожу к двери. Кладу ладонь на прохладный металл ручки, замирая на долю секунды, чтобы окончательно собраться с духом. Что бы ни ждало меня там, за порогом этого убежища — я справлюсь. Нажимаю на ручку и толкаю тяжелую створку от себя, уверенно выходя в длинный коридор.

Я преодолеваю последнюю мраморную ступень и оказываюсь в просторном, залитом утренним солнцем холле. На се-

кунду замираю у подножия лестницы, растерянно осматриваясь по сторонам и пытаюсь сориентироваться в интерьере.

В этот момент из двустворчатых дверей кухни бесшумно выходит Мэйсон. В его ладони дымится большая фарфоровая чашка, и, заметив мое присутствие, средний брат застывает на месте. Несколько секунд мы в абсолютном молчании буравим друг друга взглядами, словно взвешивая шансы в невидимом поединке. Он первым нарушает эту звенящую паузу:

— Доброе утро, — роняет он ровным, на удивление спокойным тоном и слегка приподнимает чашку в приветственном жесте. — Как спалось на новом месте?

Я медленно, шумно выдыхаю скопившийся в легких воздух, но мышцы по-прежнему остаются натянутыми, как стальные тросы.

— Нормально, — отрывисто бросаю я, изо всех сил стараясь удерживать маску ледяного безразличия.

Мэйсон делает пару шагов навстречу и коротким кивком головы указывает назад.

— Пошли на кухню. Кофе будешь?

Я пристально вглядываюсь в его безупречное порочное лицо. Средний брат говорит со мной мягко, без капли того удушающего давления, которым вчера дышал Массимо, но глубоко внутри у меня всё равно вибрирует глухая, звериная настороженность. Пожалуй, Мэйсон пока единственный из этой троицы, кто не пытается прогнуть меня под свои пра-

вила — он просто... наблюдает со стороны.

— Ладно, — наконец сдаюсь я и, опустив свой рюкзак прямо на паркет у основания лестницы, послушно следуя за ним.

На просторной, вылизанной до блеска кухне одуряюще пахнет свежесвеженным тостовым#лебом и крепким эспрессо. Здесь царит такой идеальный, стерильный порядок, словно в какой-то образцово-показательной рекламе счастливой американской семьи. Вот только к нам всё это благополучие не имеет ни малейшего отношения. Мэйсон бесшумно извлекает из верхнего шкафчика еще одну тяжелую кружку, доверху наполняет её темной жидкостью и ставит на лакированную поверхность стола прямо передо мной.

— Массимо спустится с минуты на минуту, — буднично сообщает он, отодвигая стул и устраиваясь напротив. — Так что морально готовься к раунду номер два.

Я крепко обхватываю фарфор обеими ладонями, пряча пальцы в спасительном тепле, и гипнотизирую взглядом черную кофейную гладь. Тяжелый вздох сам собой вырывается из груди.

— Всегда готова, — устало шепчу я.

Мягкое тепло, исходящее от кружки, понемногу заземляет меня, помогая унять внутреннюю дрожь. Мэйсон сидит прямо передо мной, лениво потягивая свой напиток. Он не пялится на меня сальным взглядом, не пытается буравить авторитетом — просто расслабленно созерцает. И какая-то

часть моего израненного эго признает: эта его невозмутимость бесит даже сильнее, чем открытая агрессия Картера.

— Ты всегда такой тихий и правильный? — не выдерживаю я затянувшейся паузы, так и не поднимая глаз от стола.

На его губах расцветает едва заметная, мимолетная усмешка:

— Нет. Но конкретно с тобой — пока что да.

Я вскидываю на него цепкий взгляд, уловив опасную оговорку:

— В каком смысле — «пока что»?

— Ну... прямо сейчас ты чертовски напоминаешь мне боевую гранату с уже выдернутой чекой, — Мэйсон спокойно делает очередной глоток, словно рассуждает о прогнозе погоды на завтра. — Мне кажется, стоит кому-то из нас сделать хотя бы одно резкое, неосторожное движение в твою сторону — и ты разнесешь этот особняк к чертям собачьим вместе со всеми нами.

Я демонстративно закатываю глаза к потолку, но чувствую, как уголки моих губ предательски дергаются вверх. Почти улыбка. Чертов Мэйсон.

— Очень смешно, — фыркаю я в кружку.

— А я и не шучу, — его тон мгновенно теряет былую легкость, становясь серьезным и пугающе честным. — К слову, я тебя ни в чем не виню. Всё, что вчера на тебя вывалил Массимо за один вечер — это лютый перебор, я прекрасно понимаю. Но у нашего старшего брата свой специфический

стиль управления. Он попросту не умеет действовать иначе, по-мягкому.

Я молчу, переваривая его слова, а средний брат опускает голос еще ниже, и в его глазах проскальзывает нечто человеческое:

— Мы с Картером тоже до вчерашнего дня понятия не имели, что у нас где-то подрастает сестра. Не ждали тебя, Ренайра. Но раз уж ты оказалась в этих стенах — я не собираюсь разыгрывать перед тобой тюремщика, а из тебя делать бесправную заложницу.

— Ты первый в этом доме, кто удосужился сказать мне нечто подобное, — тихо роняю я, глядя ему прямо в глаза.

Мэйсон не улыбается в ответ — лишь делает короткий, веский кивок головой:

— Потому что мне глубоко плевать на криминальные роли. Я не Капо и не стремлюсь им стать. Я — просто твой брат. И мне бы очень не хотелось, чтобы нам с тобой приходилось цапаться и воевать здесь каждый божий день.

Повисает легкая, но на этот раз вполне сносная пауза. Смутившись от этого секундного проявления семейного тепла, я поспешно отворачиваюсь к окну и делаю большой глоток обжигающего кофе. Несколько минут мы сидим в абсолютном безмолвии, погруженные каждый в свои невеселые мысли. Наконец, собравшись с духом, я осторожно задаю мучивший меня вопрос:

— Почему... почему вы вообще ничего не знали обо мне?

Мэйсон тяжело, шумно вздыхает и принимается задумчиво крутить кружку в пальцах, изучая фарфоровый ободок:

— Потому что наша мать стерла свое присутствие из жизни клана подчистую. Словно её здесь никогда и не существовало. Она втихую собрала базовые вещи и... просто растворилась в ночи. Старик Роберт после её побега окончательно сошел с ума от уязвленного эго, и дела синдиката полетели по швам. Он никогда и ничего нам не объяснял, — средний брат на мгновение умолкает, и его взгляд становится отстраненным, подернутым дымкой старых воспоминаний. — В этом доме её имя на долгие годы превратилось в табу. Никаких упоминаний о прошлом, никаких расспросов под страхом смерти.

Я слушаю его затаив дыхание, буквально впитывая каждое слово.

— И вы... неужели вы никогда даже не пытались разыскать её? — спрашиваю я тише шепота.

Мэйсон переводит на меня тяжелый взгляд и медленно, с горькой усмешкой качает головой:

— Массимо с шестнадцати лет вбил нам в головы одну жесткую аксиому: *«Кто ушел из нашей жизни — тот мертв. Нечего возвращать и оплакивать то, что добровольно выбрало предать и оставить нас»*. Мы... просто приняли его правоту. Тогда, в том подростковом кошмаре, это казалось единственным способом выжить и не сойти с ума от обиды.

Я сильнее стискиваю пальцы на чашке, чувствуя, как внут-

ри снова закипает ядовитая волна:

— А теперь что? Теперь, по логике твоего драгоценного Массимо, я должна по щелчку пальцев перечеркнуть свои двадцать один год и просто принять новые правила игры?

Мэйсон слегка склоняет голову набок, и его глаза теплеют.

— Не сразу. Никто в этом особняке не ждет, что ты завтра проснешься, лучезарно улыбнешься и скажешь: *«О, супер, у меня появились три крутых брата-мафиози»*. Это бред, — он криво ухмыляется самым уголком губ. — Но... знаешь, иногда то, что изначально кажется тебе крошечным адом и концом света, на поверку оказывается единственным реальным шансом на спасение. Просто... не руби всё сразу с плеча, ладно? Попробуй осмотреться.

Я издаю скептический, язвительный фырканье:

— Легко тебе раздавать советы, Мэйсон. У тебя-то всю жизнь за спиной стоял могущественный клан, ресурсы и братья, готовые порвать за тебя любого. А я была одна.

Парень на секунду замирает, его лицо каменеет, а в глубине темных глаз проскальзывает глухая, вековая боль.

— Знаешь, Ренайра... в нашем мире всё далеко не так радужно и просто, как это видится со стороны трущоб, — его голос падает до едва различимого шепота. — Семья в криминальном синдикате — это не только безграничная сила и бронежилет. Это еще и колоссальная, удушающая боль. Тяжелейший груз ответственности за чужие жизни, который ты обязан тащить на себе до самого кладбища.

Мы снова проваливаемся в глухое молчание. Я растерянно смотрю на кофейную пенку, а Мэйсон, одним глотком осушив свою чашку, поднимается со стула и добавляет на пороге:

— Но если вдруг... ты всё же решишь рискнуть и попробовать ужиться с нами. Помни: я тебе не враг. И Картер, несмотря на всю свою тупорылую, агрессивную манеру общения малолетнего дебила — тоже тебе не враг. Мы твоя кровь, Ренайра.

Я молча киваю, упрямо не поднимая головы, чтобы он не заметил подступившую к глазам влагу. Делаю очередной глоток, как вдруг из коридора доносятся тяжелые, монументальные шаги. Этот неподъемный, мерный ритм невозможно перепутать ни с чьим другим. Массимо.

Мэйсон бросает быстрый взгляд на кухонные двери, но остается стоять на месте. Спустя секунду в помещение размашистым шагом заходит Капо. Его лицо по-прежнему напоминает застывшую гранитную скалу — холодное, сосредоточенное, не прощающее слабостей. Его черные глаза мгновенно выхватывают мою фигуру у стола.

— Устроилась в комнате? — его низкий бас вибрирует в воздухе, словно он до сих пор прощупывает границы моей ментальной стойкости.

Я мгновенно подтягиваюсь, выпрямляя спину, с легким стуком опускаю кружку на лакированное дерево и смотрю Капо прямо в лицо:

— Как видишь, — отзываюсь я внешне спокойно, хотя внутри всё трусливо сжимается в тугой узел от одного его присутствия.

Массимо медленно подходит к обеденному столу, мимоходом мазнув тяжелым взглядом по Мэйсону. Средний брат никак не реагирует — лишь лениво откидывается на спинку стула, демонстрируя полный нейтралитет.

— Нам нужно серьезно поговорить, Ренайра, — Капо чеканит слова, и его зрачки буквально впиваются в мое лицо, не оставляя пространства для маневра.

Я упрямо поджимаю губы, принимая вызов:

— И о чем же на этот раз? Очередная лекция о генетике?

Старший брат приближается вплотную, нависая надо мной всей своей колоссальной, подавляющей фигурой хищника:

— О правилах этого дома. О том, что отныне в твоей жизни больше не будет так, как хочется тебе одной.

Мэйсон в углу тихо, обреченно вздыхает, отставляя свою посуду в раковину, и негромко цедит сквозь зубы:

— Массимо, блядь. Может, хотя бы не прямо с утра пораньше устраивать допросы с пристрастием? Дай девчонке позавтракать.

Капо швыряет в сторону среднего брата короткий, наэлектризованный взгляд, но ничего не отвечает. Всё его смертоносное внимание снова фокусируется исключительно на моей персоне.

— Жду тебя в своем кабинете через пять минут, — резко бросает он, круто разворачивается на каблуках и покидает кухню так же молчаливо и стремительно, как и вошел. Тяжелая дверь за его спиной закрывается с глухим, фатальным стуком.

Я остаюсь сидеть на стуле, медленно и судорожно выдыхая воздух через нос. Пальцы сами собой до боли впиваются в кулаки. Мэйсон переводит на меня сочувственный, полный иронии взгляд:

— Что ж... Добро пожаловать в семью, сестренка, — произносит он тихо, с кривой ухмылкой.

Спустя пять минут я уже стою на втором этаже перед массивной дверью его личного кабинета. Замерев на долю секунды на пороге, я делаю глубокий, очищающий вдох, собирая остатки воли в кулак, и решительно стучу в темное дерево.

— Заходи, — мгновенно доносится глухой, резкий бас Массимо изнутри.

Толкаю створку и переступаю черту. Капо уже восседает на своем законном месте за огромным письменным столом. Его мощная фигура идеально выпрямлена, руки сурово скрещены на груди, а цепкий, сканирующий взгляд прошивает меня насквозь, словно рентгеновский аппарат в операционной.

— Садись, — он коротким кивком указывает на жесткий стул прямо напротив себя.

Я молча подхожу, аккуратно опускаюсь на сиденье и заставляю себя держать подбородок гордо поднятым, а спину — безупречно прямой.

Наконец Капо слегка подается вперед, опираясь локтями о стол и соединяя пальцы в замок перед лицом:

— Прямо сейчас ты должна уяснить одну фундаментальную вещь, Ренайра, — его стальной голос звучит пугающе четко и холодно. — В моем синдикате нет места анархии и девичьему самодурству. Здесь всё до последнего винтика строится на жестком, беспрекословном порядке. И ты, хочешь ты того или нет, отныне являешься неотъемлемой частью этой криминальной системы.

Я смотрю ему прямо в зрачки. Испуганное сердце колотится о ребра так громко, что мне кажется, он слышит этот стук, но мой голос звучит поразительно ровно и сухо:

— Ты говорил мне это вчера в холле. Раз десять, если мне не изменяет память. У тебя пластинку заело?

Массимо опасно суживает глаза, и напряжение в пространстве кабинета сгущается до предела, затрудняя дыхание:

— И я буду вбивать это в твою упрямую рыжую голову столько раз, сколько потребуется, пока до тебя наконец не дойдет, — твёрдо отрезает Капо. — Повторяю еще раз для особо одаренных: я не враг тебе, Ренайра. Но я как глава этого клана никогда не позволю, чтобы кто-то в моем доме ставил под удар собственную жизнь из-за капризов.

Я до белизны в ногтях сжимаю кулаки, уложив их на колени под столом, но упрямо не отвожу взгляда:

— А я, кажется, тоже объяснила: я никого из вас не умоляла забирать меня в этот чертов замок. Это исключительно твой личный выбор, Массимо. Не мой. Мое мнение вы спросить не удосужились.

Капо медленно откидывается на спинку кресла, и его крупные пальцы принимаются мерно, раздражающе барабанить по кожаному подлокотнику:

— Возможно, ты и не просила. Но правда в том, что теперь ты здесь, под моей крышей. И этот факт уже не изменится, смирись.

— И какие же великие правила меня здесь ждут? — злость во мне окончательно прорывает плотину самообладания, и я принимаюсь ядовито перечислять пункты: — Что дальше, Капо? Рано ложиться спать, без твоего высочайшего позволения не открывать рот, не есть, не пить? Никаких уличных прогулок по Нью-Йорку и вечеринок с друзьями? Вы заперли меня в золотую клетку?!

— Главное правило — ты больше не совершаешь никаких самостоятельных шагов за пределы этого периметра, — Массимо резко обрывает мой поток тирады. — Ты никогда не убегаешь из дома и всегда, до единой минуты, докладываешь охране, куда именно ты направляешься и с кем. Мы обязаны поминутно знать твой маршрут. И это делается исключительно ради твоего же блага.

Я в бешенстве подрываюсь со стула, собираясь круто развернуться и вылететь из этого проклятого кабинета, но моя ярость всё-таки требует выхода. Замерев у самой двери, я резко оборачиваюсь на каблуках, и мои глаза полыхают чистым огнем:

— Да пошел ты со своим благом!..

— Это не игра в дочки-матери, Ренайра! — оглушительный бас Массимо бьет наотмашь, заставляя меня осечься на полуслове. Его тон становится пугающе твердым, ледяным и весомым: — Ты — признанная кровь правящего клана мафии. А это значит только одно, девочка: с сегодняшнего дня на тебя открыт сезон охоты. Ты — главная мишень для наших врагов.

Он замолкает на секунду, вглядываясь в мое застывшее лицо, а затем добивает меня окончательно, произнося слова с убийственной, медленной четкостью:

— Тебя всю ищет наш биологический отец. Роберт жив, Ренайра. И я точно знаю, что этот старый ублюдок намерен вернуть себе контроль над синдикатом и мной... используя тебя в качестве рычага давления. Он хочет угрожать мне твоей жизнью.

Я застываю на пороге, словно меня заживо замуровали в бетонный монолит. Ноги намертво прирастают к полу. Я пытаюсь вытолкнуть из легких хоть какой-то звук, но челюсть сводит судорогой — не вымолвить ни единого слова.

Его перекошенное от ярости лицо. Мои детские оглуши-

тельные крики о пощаде. Сырые, холодные стены подвала, где пахло плесенью и чужой кровью. И — боль.

Жгучая, разрывающая на части, невыносимая боль от ударов, которая навсегда оставила уродливые, рельефные шрамы на моей спине. Личное клеймо Роберта.

Моя ладонь сама собой, на чистых неосознанных рефлексах взлетает вверх, намертво прижимаясь к лопаткам через ткань футболки — туда, где под одеждой скрыто это и искалеченное прошлое.

В эту же секунду Массимо стремительно поднимается из-за стола и подходит ко мне вплотную. Его натренированный взгляд профессионального бойца мгновенно ловит каждую мельчайшую деталь в моей мимике. Капо резко замирает в полушаге от меня, и его черные глаза становятся пугающе внимательными, сканируя мою позу.

— Ты бледная как смерть, Ренайра... Что, блядь, случилось? — его голос звучит глухо, но в нем просыпается совершенно иное, дикое и опасное напряжение.

Он опускает взгляд ниже, четко фиксируя, как именно моя ладонь судорожно сжимает ткань на спине, пытаясь защитить старые раны. В то же мгновение лицо Капо меняется до неузнаваемости.

— Он... этот ублюдок... он и с тобой сотворил нечто подобное? — его тон срывается на утробное, звериное рычание, от которого по полу кабинета проходит ощутимая вибрация. Этот гневный, оглушительный рокот раскатистым

эхом бьет по стенам, заставляя хрусталь в шкафах жалобно зазвенеть.

Я судорожно, испуганно отвожу взгляд в сторону, чувствуя, как дыхание становится прерывистым и рваным, но из последних сил заставляю свой голос звучать ровно и жестко.

— Неважно. Это давно в прошлом. Всё уже кончено.

Массимо смотрит на меня так, словно прямо сейчас готов голыми руками крушить эти каменные стены особняка и пустить кровь любому, кто встанет на его пути. Его крупные кулаки сжимаются с такой чудовищной силой, что суставы белеют до синевы, а на скулах ходуном ходят жесткие жилы.

— Ты прекрасно знаешь, Массимо, что я до дрожи ненавижу это место и не хочу оставаться под твоей крышей ни единой лишней минуты. Но... если ты действительно, искренне считаешь нас одной семьей... Если в твоих жилах течет та же кровь, что и в моих...

Я делаю короткую паузу, ловя его бешеный, удушающий взгляд, и выдавливаю из себя главное условие:

— Тогда пообещай мне сейчас только одно, Капо. Найди и убей его. Убей этого человека. Сотри Роберта с лица земли так, чтобы от него даже памяти не осталось. Сделай это... чтобы я наконец-то смогла спокойно дышать и жить в этом проклятом мире.

Массимо долго, невыносимо долго молчит. Его черные, бездонные глаза буквально впиваются в мое лицо, словно пытаются просветить меня насквозь, заглянуть в самую глуб-

жую бездну моей травмы и понять всё то уродливое дерьмо, которое я так тщательно прячу за своей ледяной, гордой броней. Пальцы на его руках побелели окончательно.

И наконец, в этой звенящей тишине раздается его глухой, практически бесшумный шепот.

— Обещаю, Ренайра. Старик — труп.

Мы замираем, неотрывно глядя друг другу в глаза еще одну бесконечную секунду... и я внезапно ловлю себя на мысли, что впервые за долгие, мучительные пятнадцать лет мне действительно стало чуточку легче дышать. Предохранитель сорван. Война началась.

Глава 8

Мы еще пару секунд просто смотрим друг на друга. В кабинете повисает тишина, такая плотная, что отчетливо слышно, как гулко стучит кровь в висках. Наконец я медленно киваю. Ничего больше не говорю — в этом нет нужды.

Разворачиваюсь и направляюсь к выходу. Шаги по полу звучат глухо и отрешенно. Пальцы на латунной ручке едва заметно дрожат, но я сжимаю их крепче и открываю дверь. Выходя в коридор, я слышу за спиной, как Массимо тяжело, надрывно выдыхает, но упрямо не поворачиваюсь. Просто иду вперед.

Закрываю дверь за собой как можно тише и делаю несколько шагов по глянцевому паркету. Спина всё еще неестественно напряжена, а ноги кажутся абсолютно ватными. Заметив свободный участок у кирпичной стены, я останавливаюсь, закрываю глаза и обессиленно облокачиваюсь лбом о холодный камень, пытаюсь прийти в себя.

Вдруг до меня доносятся шаги — легкие, уверенные, размеренные. А затем раздается голос — ленивый, тягучий и чуть насмешливый:

— Опять на нервах?

Я медленно открываю глаза и оборачиваюсь. Картер. Он стоит в нескольких метрах от меня, небрежно прислонившись плечом к стене и скрестив руки на груди. На его лице

играет всё та же привычная полуулыбка, но взгляд при этом изучающий, пугающе внимательный.

— Что тебе надо? — выдыхаю я, безвольно опуская руки вдоль тела.

— Просто интересно, — он легко отталкивается от стены и медленным шагом подходит ближе. — Сколько ты еще здесь выдержишь, прежде чем свалишь отсюда окончательно.

Я смотрю прямо на него — уставшая, измотанная, но всё еще готовая принять вызов.

— А ты, значит, так хочешь, чтобы я свалила?

Картер ухмыляется и качает головой:

— Я ничего такого не хочу. Мне вообще весь этот цирк изначально нафиг не нужен был. Но раз уж ты тут... — он делает короткую паузу, заглядывая мне прямо в глаза, — привыкай. Массимо свои обещания никогда не бросает на ветер.

Я опасно прищуриваюсь, снова инстинктивно скрестив руки на груди:

— Интересно. И как мне это расценивать — как угрозу или как братский совет?

Младший брат усмехается и отступает на шаг назад:

— Это просто... реальность, рыжая. И чем быстрее ты её примешь, тем меньше себе мозги взорвешь.

Злость во мне закипает с новой силой. Не выдержав этого пренебрежения, я бью вопросом в лоб:

— Почему я тебе так сильно не нравлюсь? Я ведь лично

тебе ничего плохого не сделала.

Картер замирает на секунду. Ухмылка по-прежнему играет на его губах, но взгляд мгновенно становится на порядок жестче:

— Дело вовсе не в том, что ты мне не нравишься, — отвечает он поразительно спокойно. — Дело в том, что ты появилась из ниоткуда и перевернула всю нашу жизнь с ног на голову. Ты взорвала наш привычный мир, понимаешь?

Он делает еще один стремительный шаг ко мне, и его тон становится ниже, серьезнее:

— Мы всю жизнь жили строго так, как привыкли. А теперь ты здесь. И Массимо... он стал совершенно другим. Он... ну, ты сама всё прекрасно видишь. Теперь вся вселенная вокруг тебя крутится.

Я удивленно моргаю, не ожидая от него такой обезоруживающей прямооты. Картер криво усмехается:

— Так что, рыжая, ты сама по себе не плохая. Просто ты — ходячая проблема. Большая криминальная проблема. И теперь она стала нашей.

Он разворачивается, собираясь уйти прочь по коридору, и небрежно бросает через плечо:

— Ладно. Увидимся. Или... как-нибудь вытерпим друг друга.

Картер уже делает шаг в сторону лестницы, но я, упрямо сжав губы, всё-таки не удерживаюсь. Смотрю ему в спину и с легкой, язвительной усмешкой бросаю наотмашь:

— А может, ты просто злишься из-за того, что теперь *маленькому Картеру* катастрофически не хватает внимания?

Младший брат мгновенно замирает посреди коридора, словно наткнулся на невидимую стену. На секунду тишина в доме становится просто звенящей. Он медленно разворачивается ко мне всем телом, прищулив черные глаза, в глубине которых вспыхивает по-настоящему опасный блеск.

— Повтори-ка, что ты сейчас сказала? — его голос звучит тихо, но внутреннее напряжение буквально режет воздух.

Я плотнее скрещиваю руки на груди, делаю уверенный шаг ему навстречу и дерзко улыбаюсь самым уголком губ:

— Я сказала, что ты бесишься, потому что теперь Массимо не уделяет тебе столько времени, сколько раньше. Тяжело быть больше не главным любимчиком в семье, да?

Картер до хруста сжимает кулаки и делает стремительный, угрожающий шаг в мою сторону. Его глаза сверлят меня так яростно, что вдоль позвоночника невольно пробегают мурашки.

— Ты понятия не имеешь, о чем вообще говоришь, рывая, — шипит он мне прямо в лицо, цедя слова сквозь зубы. — И лучше бы тебе лишний раз на меня не нарываться.

Я упрямо не отступаю ни на сантиметр, принимая его удушьящий взгляд:

— Зато я отчетливо вижу, как сильно тебя это задевает, — бросаю я почти спокойно.

Он еще секунду буравит меня глазами, его челюсть ходит

ходуном от ярости. А затем парень резко разрывает это электрическое напряжение — делает шаг назад и зло усмехается:

— Ты прямо на рожон лезешь и просишь проблем, да? Ну ладно, колючка, посмотрим, кто из нас двоих сломает другого первым.

Картер круто разворачивается и уходит быстрыми, размашистыми шагами, а его плечи остаются жестко напряжены. Я остаюсь стоять в коридоре, глубоко и часто дыша. И, несмотря на кипящую внутри злость, вдруг ловлю себя на очень странной мысли... Чёрт. Кажется, я начинаю понемногу втягиваться в эту безумную игру.

Поднявшись к себе в комнату, я первым делом достаю телефон и быстро пишу Арии короткое сообщение: *«Привет. Я сегодня буду у тебя на ночёвке»*. Остаться в этом огромном склепе еще на одну ночь я физически не желаю, хотя прекрасно понимаю, что глобального выбора у меня нет. Но хотя бы так — исчезать из их поля зрения на время, чтобы иметь возможность дышать по-настоящему.

Быстро покидав в рюкзак базовые вещи, я спускаюсь на первый этаж и уверенно выхожу на залитую солнцем улицу. Подхожу к массивным кованым воротам особняка. Охрана в строгих костюмах высится у кромки асфальта, словно каменные статуи.

— Отойдите в сторону, мне нужно выйти, — говорю я ледяным тоном.

— Не положено, — мгновенно отчеканивает один из бой-

цов, даже не моргнув в мою сторону.

— Вы что, прикалываетесь надо мной?! Мне нужно срочно уехать! — я начинаю не на шутку злиться, и мой голос становится резким, срывающимся. Но охранник не двигается ни на миллиметр. Настоящая стена.

И тут у меня за спиной раздается до боли знакомый, спокойный голос:

— И куда это мы собрались?

Оборачиваюсь на звук. Мэйсон медленно спускается по ступеням крыльца, и его цепкий взгляд фиксирует каждую деталь моей позы.

— Я не обязана отчитываться перед вами в каждом своем шаге, — сухо бросаю я, поправляя лямку рюкзака.

— Просто скажи адрес, и я тебя отвезу, — спокойно предлагает он, сокращая расстояние.

Я резко разворачиваюсь к нему лицом, чувствуя, как злость затапливает сознание еще сильнее:

— Мне не нужны ваши долбаные няньки! Хватит вести себя со мной так, будто вы имеете на меня какое-то законное право!

— Мы не имеем на тебя никаких прав, Ренайра, — Мэйсон в точности повторяет фразу, которую я уже слышала. — Но пока ты находишься под нашей семейной крышей, мы несем за тебя полную ответственность перед кланом. И это не вежливая просьба с нашей стороны — это непреложный факт.

— За меня не нужно отвечать, — жестко отрезаю я. — Я всю свою сознательную жизнь прекрасно справлялась без вашей мафиозной опеки.

Мэйсон едва заметно кивает, соглашаясь:

— Да. Справлялась. Одна. Против всего мира. И, возможно, сестренка, именно в этом и кроется твоя главная проблема.

Я до боли сжимаю зубы, а пальцы намертво вцепляются в плотную лямку рюкзака.

— Ты абсолютно ничего не знаешь про мою жизнь, Мэйсон.

— Зато я отчетливо вижу, как ты здесь задыхаешься, — без тени агрессии парирует он. — Вечно злишься, дергаешься, кидаешься на людей, как будто весь этот мир ополчился против тебя одной.

Средний брат делает еще один мягкий шаг ближе, но при этом совершенно не давит своей энергетикой — просто произносит тихо, заглядывая мне под козырек сознания:

— Я не пытаюсь тобой управлять или ломать твою волю, Рей. Я просто хочу, чтобы ты наконец перестала вести себя так, будто тебя в этой жизни никто и никогда не держал за руку. Ты больше не обязана тащить всё это дерьмо в одиночку, Ренайра.

Я судорожно отвожу взгляд в сторону, уставшись на подстриженный газон. Эти его слова... они быют под дых и ранят гораздо сильнее, чем открытая грубость Картера или прика-

зы Массимо.

Мэйсон всматривается в мое побледневшее лицо еще пару секунд, а затем понимающе отступает:

— Я могу отвезти тебя туда, куда тебе нужно. Прямо сейчас. Обещаю — без лишних вопросов и допросов с пристрастием. Просто ради того, чтобы я точно знал, что ты добралась до места в целости и сохранности и вернешься обратно живой.

Он поворачивается лицом к замершей охране и делает короткий, властный кивок головой:

— Откройте ворота.

Массивные створки начинают медленно, со скрипом разезжаться в стороны. Я стою посреди дорожки, молча сглатывая вставший в горле удушливый ком. И вовсе не потому, что я злюсь — просто глубоко внутри меня только что дрогнуло нечто очень важное. То, в чем я самой себе ни за что и никогда не захочу признаться.

Мэйсон подходит к припаркованному внедорожнику и лично распахивает передо мной переднюю пассажирскую дверь. Но я упрямо и гордо прохожу мимо него и молча устраиваюсь на заднем сиденье. Брат ничего не говорит на это — лишь аккуратно притягивает за мной створку и спокойно садится за руль.

Мощный мотор глухо заводится, и тяжелая машина плавно трогается с места, покидая периметр особняка. В салоне воцаряется абсолютная, спасительная тишина — ни музыки,

ни лишних разговоров. Только ровный, убаюкивающий гул покрышек о дорогу.

Я неотрывно смотрю в окно. Знакомый, родной Нью-Йорк медленно плывет мимо неоновыми вывесками и серыми зданиями, но теперь он кажется мне бесконечно далеким. Словно я в нем больше не живу. Словно я сама уже... не совсем я.

Мэйсон изредка бросает короткие, контролирующие взгляды в зеркало заднего вида, проверяя мое состояние, но ни о чем не спрашивает. И это молчание... неожиданно приносит мне долгожданное, огромное облегчение.

Машина останавливается у дома Арии. Я открываю дверь ещё до того, как мотор успевает заглохнуть.

— Спасибо, — бросаю коротко, так и не взглянув на Мэйсона, и поспешно выхожу на тротуар.

Он ничего не отвечает вдогонку. Просто остаётся сидеть в салоне внедорожника. Я быстро поднимаюсь по бетонным ступенькам крыльца и уверенным движением нажимаю на кнопку звонка. Спустя всего несколько секунд тяжелая дверь резко распахивается.

— Огонёк! — Ария буквально сияет от искренней радости и с ходу тянется ко мне с объятиями.

Я позволяю ей это. Даже не пытаюсь инстинктивно отстраниться или сжаться — впервые за очень долгое время чужое прикосновение не вызывает паники. Подруга сжимает меня крепко, надежно, будто всем телом чувствует, насколько сильно мне сейчас нужна была эта простая поддержка.

— Ты вся на взводе... Что, чёрт возьми, случилось? — взволнованно начинает она, но тут же осекается, заметив, что я приехала не одна. Ария поворачивает голову, и её цепкий взгляд натывается на припаркованную у обочины машину. На Мэйсона. Её лицо меняется мгновенно. Прежняя радостная улыбка тает без следа. Взгляд становится внимательным и жестким, будто просканировав профиль водителя за доли секунды.

— Это... Мэйсон. Один из них, — тихо произношу я, прерывая затянувшееся молчание.

— Ага, — кивает она, и её голос становится резким, колючим. — Один из тех парней, которые теперь единолично решают, где и как ты должна жить?

Я устало смотрю на неё и тяжело вздыхаю:

— Он просто подвёз меня сюда. Без лишних допросов.

В этот момент Мэйсон спокойно выходит из машины и направляется в нашу сторону. Он двигается размеренно, словно абсолютно не замечая наэлектризованного напряжения, застывшего в воздухе.

— Добрый вечер, — вежливо произносит он, остановившись у крыльца.

— Не думаю, что в компании вашей семейки этот вечер будет добрым, — отрезает Ария, упрямо не отводя от него неприязненного взгляда.

Я перевожу быстрый взгляд с подруги на брата и отчетливо понимаю: здесь, на этом пороге, назревает совершенно

другая война. Но на этот раз — уже не между мной и Мэйсоном.

— Ладно, пошли внутрь, — тихо бросаю я и решительно тяну Арию за руку в глубь прихожей.

Она идет молча, послушно подчиняясь моему толчку, но я физически чувствую, как вся её фигура натянута после этого безмолвного шторма. Её пальцы оказываются ледяными.

За нашими спинами разносится негромкий голос Мэйсона:

— Позвони, когда нужно будет забрать тебя обратно.

Я упрямо не оборачиваюсь и ничего не отвечаю. Он тоже больше не проронил ни слова. Просто разворачивается, садится в машину и глухо хлопает тяжелой дверцей. Мощный мотор внедорожника яростно рычит, и спустя пару секунд автомобиль стремительно исчезает за поворотом улицы, оставляя после себя лишь звенящую тишину и воздух, натянутый до предела, как стальная струна.

Мы с Арией заходим в дом. Я закрываю входную дверь на защелку и сразу же разворачиваюсь к ней лицом:

— И что это, чёрт возьми, сейчас было, Ари?

Подруга хмурится и демонстративно отводит взгляд в сторону:

— Об этом поговорим позже. Ты сейчас первая на очереди. Давай, рассказывай всё.

Мы молча проходим на уютную кухню. Ария привычным движением тут же ставит чайник на плиту — будто

этот нехитрый ритуал способен унять хотя бы малую часть скопившегося в нас стресса. Я устало опускаюсь на стул, небрежно зашвырнув рюкзак на пол у стола. Пальцы нервно, хаотично теребят плотный рукав худи. Внутри всё буквально гудит от переизбытка эмоций.

Ария ставит передо мной горячую кружку и присаживается напротив. Глядит молча, выжидаяще. Ждет, пока я соберусь с духом. Я долго не могу вытолкнуть из горла ни единого слова, тупо уставившись на темный чайный настой — словно там, на самом дне фарфора, скрывались все ответы.

— Помнишь, как ты вечно шутила, будто я тайно сбежала из мафии? — тихо спрашиваю я, нарушая тишину. Когда мы только познакомились в клубе Нэйта, у нас действительно была такая глупая локальная шутка — якобы я важная персона из мафиозного клана, поэтому живу одна в трущобах и постоянно скрываюсь ото всех. Тогда, в подсобке бара, это казалось просто забавной игрой.

— Ага, — хмыкает Ария, подперев подбородок ладонью. — Если честно, я до сих пор не уверена, что это была чистая шутка.

Я медленно поднимаю на неё глаза:

— Так вот, Ари... Это была не шутка.

Она мгновенно замирает на месте:

— Что?

— Всё, о чем мы тогда со смехом болтали... оказалось чистой правдой. Массимо, Мэйсон, Картер. Эти трое — мои

родные братья по крови. У нас одна биологическая мать и отец конечно.

Ария смотрит на меня округлившимися глазами, отказываясь верить:

— Рей, ты сейчас так глупо шутишь надо мной?

— Я поначалу тоже думала, что это какой-то изощренный бред, — горько усмехаюсь я. — А потом они просто шлёпнули на стол официальные документы из лаборатории. Прямо как в каком-то грёбаном криминальном фильме. И в этих бумагах абсолютно всё сошлось: даты, имена... даже моё родимое пятно на шее, которое, как выяснилось, есть только у меня и у матери. Именно по этой отметине Массимо меня в клубе и вычислил.

Повисает гробовая пауза. Ария медленно, шумно выдыхает воздух:

— Чёрт. Это просто пиздец.

— Да, — согласно киваю я. — Полный чёрт.

Она резко вскакивает со своего стула и принимается лихорадочно метаться по кухне из угла в угол:

— И что они планируют делать теперь? Насильно держат тебя в этом своем замке? Почему ты просто не послала их и не ушла?

— Потому что наш общий биологический отец — не просто редкостная гнида, — мой тон падает до шепота. — Он жив, Ари. И он всюю ищет меня по всему Нью-Йорку. Этот ублюдок хочет вернуть себе власть над синдикатом и плани-

рует управлять Массимо, угрожая моей жизнью. А я... я ведь росла с этим человеком в одном подвале. Я слишком хорошо, кожей помню, на какую жестокость он способен.

Ария резко останавливается посреди кухни. Она смотрит на меня с неприкрытым ужасом в глазах.

— Папа ведь тоже сказал, что они защитят тебя... — тихо произносит она. — Сказал, что ты будешь в абсолютной безопасности только рядом с ними.

Я медленно киваю, чувствуя колоссальную ментальную усталость. Мой голос звучит выжато, глухо:

— Да. К глубокому сожалению, именно так всё и обстоит. Ужасная, извращенная ирония судьбы: мне безопаснее всего находиться рядом с тремя опасными мужчинами, которых я знаю всего пару дней. А в любом другом месте этого города меня ждет расправа.

Мы снова надолго умолкаем, переваривая масштаб катастрофы. Наконец я шумно выдыхаю:

— Слушай, давай больше не будем о плохом. Ладно? Я просто... смертельно устала за эти дни.

Ария послушно возвращается к столу и бережно подливает мне горячей воды в кружку.

— Всё обязательно будет хорошо, милая, — говорит она удивительно мягко, словно укутывая меня своим теплым голосом. — Ты сильная, ты со всем справишься. И вообще... Раз уж ты теперь мафиозная принцесса, ты просто обязана выложить мне все подробности: какие они из себя на самом

деле? И как выглядит их логово?

Я невольно фыркаю, и на моем лице расцветает слабая, но впервые за день искренняя улыбка:

— Особняк просто огромный. Ощущение такое, будто внутри этого замка безбедно живет вся элита Голливуда. Там даже шаги по лестницам звучат запредельно дорого.

— А братья? — Ария забавно подается вперед, и в её глазах вспыхивают любопытные искорки. — Ну-ка, начни рассказ с самого бесячего и раздражающего.

— Младший, Картер, без всяких сомнений! Этот невыносимый засранец обладает внешностью топ-модели и при этом языком, как у самой ядовитой змеи.

— Вот бы мне на него хоть разок посмотреть... — мечтательно вздыхает подруга, подперев щеку.

— Поверь, тебе оно не надо, — качаю я головой. — И Картер опасен вовсе не в том смысле, что ты сама захочешь прибить его через три минуты вашего общения. У него под этой глянцевой обложкой кроются очень острые зубы.

Ария громко смеется и шутливо кидает в меня декоративную подушку со своего стула:

— Ну всё, Огонёк, заваривай свежий чай. Похоже, наш девичник официально превращается в сеанс глубокой психотерапии. А что скажешь про Мэйсона? — спрашивает она, изо всех сил стараясь сохранить прежний легкий, шутливый тон. Но от моей внимательной хакерской интуиции не укрылось то, как на долю секунды судорожно замерли её пальцы

на ободке кружки. — Он ведь среди них кажется самым спокойным и уравновешенным, да?

Я опасно прищуриваюсь, фиксируя её странную реакцию:

— Угу. Спокойный. Ровный. Слишком, блядь, ровный. Из тех людей, которые умудряются держать под тотальным контролем абсолютно всё вокруг даже тогда, когда в этом нет вообще никакой необходимости.

Ария хмыкает, и её взгляд на мгновение уходит куда-то в сторону:

— Звучит... чертовски похоже на него.

— На «него»? — я удивленно приподнимаю бровь, ловя подругу на слове. — Твоя интонация звучит так, словно ты знаешь о Мэйсоне гораздо больше, чем говоришь.

Ария мгновенно замирает. На секунду её лицо меняется — неуловимо, быстро, но я успеваю четко зафиксировать этот сдвиг. В глубине её карих глаз промелькивает нечто пугающее. Боль? Страх? Какое-то тайное воспоминание прошлого?

— Что произошло, Ари? — спрашиваю я максимально осторожно, накрывая её руку своей. — Мэйсон когда-то что-то сделал тебе?

Она судорожно качает головой. Слишком быстро, слишком поспешно, чтобы это оказалось правдой:

— Нет... Что ты. Просто... он меня по-настоящему пугает, Рей.

Я мягко сжимаю её ладонь:

— Ты ведь знаешь, что бы ни случилось — я всегда тебя защищу. Как бы там ни повернулось в будущем.

Ария шумно, с облегчением выдыхает воздух. И впервые за весь этот сумасшедший вечер я вижу в своей боевой позе не привычную железную силу или защитный сарказм, а ту самую хрупкую девочку, которая тоже умеет искренне бояться.

— Знаю, Рей, — тихо отзывается она, глядя мне в глаза. — Вот именно поэтому ты и есть моя настоящая, семья.

Мы сидим в уютной кухонной тишине еще пару секунд, пока это гнетущее напряжение окончательно не рассеивается, уступая место обычному, родному девичьему любопытству.

— Ну ладно, — говорит Ария, тщетно пытаясь вернуть на лицо беззаботную улыбку. — Давай вернемся к более интересному. Ты сказала, Картер — ходячая змея. А Мэйсон, значит, спокойный как танк?

Я весело фыркаю:

— Спокойный он ровно до тех пор, пока его переклинившая мафиозная логика не решит, что ты — его персональная зона ответственности. Вот тогда Мэйсон моментально превращается в ледяного, удушающего надзирателя. Но надо отдать ему должное — он хотя бы не орет на весь дом, в отличие от Массимо.

— Массимо?.. — Ария восторженно вскидывает брови. — Вот это я понимаю, имя. Словно прямиком из культовой

криминальной драмы. И ведению дел он соответствует?

— Ты даже представить себе не можешь этот уровень давления. Тон разговора такой, будто передо мной непрерывно выступает верховный дон сицилийской мафии. Массимо не умеет просто разговаривать — он чеканит приказы. Даже когда, по его мнению, о чем-то вежливо просит. Но... — я тяжело вздыхаю, признавая очевидное, — каким-то странным, извращенным образом рядом с этим монументальным человеком я чувствую себя в абсолютной безопасности. И это, если честно, бесит и раздражает меня сильнее всего.

Ария громко смеется, запрокинув голову:

— То есть, верховный Капо на поверку оказался просто старшим братом с жестким гиперопекающим комплексом спасителя?

— Именно! — ворчу я, делая очередной глоток из кружки. — Только вместо нормального человеческого «давай присядем и поговорим» у него включается режим: «ты больше не совершаешь ни единого шага без конвоя, теперь ты навсегда под моей крышей».

Ария смеется еще громче, шутливо прикрывая рот ладошкой.

— А теперь самый главный и животрепещущий вопрос ночи... — её глаза лукаво и хитро сверкают в полумраке кухни. — Скажи честно, Рей, они все трое красивые?

Я обреченно киваю, выразительно закатывая глаза к потолку:

— К моему огромному несчастью — да. Причем красивые абсолютно по-разному, ублюдки. Картер — это оживший ходячий профиль из Инстаграма: идеальный, глянцевого, холерный и невыносимо наглый. Мэйсон — тихий, темный, а его черные глаза смотрят так, словно без труда читают все твои потаенные мысли. Ну а Массимо — это просто монолитная каменная стена. Обвешанная по всему периметру противопехотными минами.

— И кто же из этой великолепной троицы умудряется злить тебя сильнее остальных? — с хитрой улыбкой допытывается подруга.

— Однозначно Картер!

Мы обе искренне, громко хохочем на всю кухню. В этот миг в пространство дома наконец-то возвращается то самое долгожданное чувство нормальности и девичьей беззаботности, которого мне так не хватало в мафиозном замке.

Но внезапно Ария резко меняется в лице, и её веселый взгляд становится пугающе серьезным. Она подается вперед, опираясь локтями о кухонный стол, и всматривается мне прямо в душу:

— Тот таинственный парень на байке со смены... Он больше ни разу не появлялся в твоём поле зрения?

Я мгновенно замираю, и чашка застывает в моих пальцах.

— Нет... А что случилось?

Ария инстинктивно понижает голос до едва различимого шепота:

— Он приходил вчера ночью в наш клуб. Поздно, незадолго до закрытия. Сначала просто сел в самом дальнем углу зала, у стены, и молча наблюдал за рингом. А перед самым уходом подошел вплотную к барной стойке... и велел мне передать тебе кое-что лично.

Я медленно выпрямляю спину, чувствуя, как внутри натягивается невидимая тетива. Внимательно всматриваюсь в бледное лицо подруги:

— И что конкретно он сказал?

— Он произнес буквально следующее: *«Передай своей рыжей подруге, чтобы она раз и навсегда забыла дорогу на уличные гонки»*.

Кровь в моих жилах мгновенно стынет, превращаясь в лед. Ария продолжает, не сводя с меня глаз:

— Я, разумеется, этого наглеца сразу же послала по известному адресу. Твердо заявила, чтобы он даже не думал лезть в твою жизнь. Но, Ренайра... Поверь, этот чужак не был похож на обычного «смущенного романтического парня», который ищет знакомства. У него был пугающий взгляд. Ледяной, просчитанный, абсолютно нечеловеческий.

Я до скрипа сжимаю челюсть и резко отворачиваюсь к окну, скрывая вспыхнувшие эмоции. В груди в области сердца болезненно кольнуло.

— Ты... ты ведь знаешь, кто он такой на самом деле, Рей?
— тихо спрашивает Ария, бдительно фиксируя каждую микротрещину в моей глухой обороне.

— Нет, — отвечаю я абсолютную, чистую правду. — Я понятия не имею, кто он. Но... глубоко внутри меня живет стойкое, дикое ощущение, будто я его знаю. У тебя когда-нибудь бывало такое, Ари? Когда ты впервые за много лет смотришь на абсолютно незнакомого человека — и у тебя внутри всё переворачивается и содрогается от странного узнавания? Будто этот мужчина... уже когда-то играл ключевую, страшную роль в твоей прошлой жизни?

Ария задумчиво хмыкает, вздернув одну бровь кверху:

— Ну не знаю, Рей... Может, это какой-то привет из твоего глубокого прошлого? Какая-нибудь тайная подсказка судьбы, как в тех мистических фильмах о перерождении душ, тайных связях и кармических долгах...

Я картинно закатываю глаза к потолку и раздраженно фыркаю:

— Ага, конечно, держи карман шире. Перерождение у нее.

Ария весело заливается смехом:

— Ну а вдруг! Ты ведь у нас с самого детства умудряешься притягивать к себе исключительно странных, смертельно опасных и при этом чертовски красивых мужчин. Может, в твоей прошлой жизни у тебя был личный роскошный гарем?

— С таким колоссальным количеством проблем, которое они мне приносят — это был не гарем, а пожизненная каторга, — бурчу я себе под нос, крепче сжимая фарфор кружки.

— Ну вот, тогда всё сходится и выглядит вполне логично!

Половина мужчин из той каторги теперь вернулись в Нью-Йорк, чтобы с новым упорством продолжить тебя мучить.

Мы обе снова дружно хохочем на всю кухню. Но глубоко внутри, на самом дне моего сознания, всё равно остается странное, гнетущее и пугающее ощущение от его слов.

— Слушай, — говорю я, поднимаясь из-за стола, — узнай у Ника, когда намечается ближайший заезд. Мне нужно как можно скорее вернуть этот проклятый долг Дамиду. У себя в телефоне я его окончательно заблокировала — терпеть не могу, когда ублюдки пытаются играть на чужой уязвимости и слабости.

— Сейчас черкну ему, — кивает Ария, уже лихорадочно набирая сообщение на светящемся экране. Проходит всего пара секунд, и её мобильный коротко пикает, оповещая об ответе. — Пишет, что гонка через два дня. Рей, ты серьезно думаешь в ней участвовать?

— Конечно, — отзываюсь я без малейшего колебания. — Мне позарез нужны эти деньги. И я не собираюсь кому-то что-то доказывать.

Ария обеспокоенно прикусывает нижнюю губу, глядя на меня с нескрываемым укором:

— А если... Ну, просто как идея... Что, если попросить нужную сумму у твоих братьев? Вы же теперь, как ни крути, одна кровь. Семья.

Я резко оборачиваюсь к ней, и мой взгляд мгновенно леденеет:

— Даже не вздумай произносить это вслух, Ари. Я не стану просить у них ни единого цента. Никаких долгов и обязательств перед ними. Я пережду под их крышей ровно до тех пор, пока они не ликвидируют проблему под названием «наш чертов отец». А дальше — моей ноги в том особняке больше не будет.

Подруга тяжело вздыхает, но спорить не решается — слишком хорошо знает мой упрямый характер.

— Ладно. В таком случае мы подготовим тебя к этой гонке по высшему разряду. Всё как в старые добрые времена.

Я молча киваю, и уголки моих губ непроизвольно приподнимаются:

— Как раньше, Ари.

Спустя пару часов мы уже находимся на старой заброшенной промышленной площадке далеко за чертой города. Об этом глухом месте знают исключительно свои. Сюда приезжали гонять, когда на участие в официальных заездах не хватало наличных, но в крови бурлило слишком много чистой ярости и бешеной скорости.

Я привычно закатываю рукава худи и принимаюсь тщательно проверять узлы байка. Мой верный конь практически не изменился за это время — остался таким же упрямым, резким и оглушительно громким, как и его хозяйка. Ария отходит на безопасное расстояние к бетонным блокам, надевает массивные наушники и сосредотачивает взгляд на секундомере.

— Готова?! — кричит она, перекрывая ветер.

Я натягиваю шлем, с глухим щелчком опускаю темный визор и уверенно седлаю мотоцикл. Мощный мотор раскати-сто рычит — дико, рвано, практически в один такт с моим безумным сердцем.

— Готова!

Выкручиваю ручку газа до упора. Рывок.

Асфальтовое полотно перед глазами стремительно размы-вается в узкий тоннель. На чистых рефлексх я машиналь-но ловлю каждый опасный поворот, будто это не я управляю тяжелым байком, а он сам несет меня вперед. Потоки вет-ра яростно хлещут по телу, бьют по голове, выбивая остатки мыслей из истерзанной души. Я выжимаю из своего аппара-та абсолютный максимум. До последнего вздоха поршней.

Спустя двадцать минут интенсивного трека я глушу дви-гатель и схожу на землю, часто и прерывисто дыша. Вся одежда покрыта тонким слоем придорожной пыли, а ладони ощутимо подрагивают от дикого мышечного напряжения.

— Почти как прежняя ты, Рей, — Ария тепло улыбается, протягивая мне прохладную бутылку с водой.

Я стягиваю шлем и скептически усмехаюсь:

— Почти?

— Ладно-ладно, — подруга весело закатывает глаза. — Гораздо лучше прежней.

— Я успею набрать форму, — уверенно констатирую я, делая жадный глоток. — Через два дня я обязана быть быст-

рее всех на этой трассе. Даже если придется финишировать на голых костях — я вырву эту победу.

Ария внезапно хмурится, её взгляд устремляется куда-то вдаль, словно она уловила нечто подозрительное.

— Рей... Ты только не паникуй, но мне кажется, за нами кто-то пристально наблюдал вон с того холма.

Я мгновенно напрягаюсь всем телом. Резко оборачиваюсь в указанную сторону, сканируя возвышенность цепким взглядом. Но вокруг абсолютно пусто. Лишь ветви дальних деревьев колышутся да пыльная дорога петляет среди зарослей.

— Скорее всего, мне просто показалось на нервной почве, — бормочет Ария, но в её дрогнувшем голосе нет ни капли уверенности.

Я мертвой хваткой сжимаю руль мотоцикла:

— Или не показалось, Ари.

Мы с подругой еще пару раз настороженно оглядываемся на безмолвный холм. Ни единого следа чужого присутствия. Только пожелтевшая сухая трава едва заметно шевелится под порывами ветра.

— Ладно, — вздыхает она, поспешно натягивая капюшон куртки глубже на лоб. — Поехали отсюда поскорее, пока моя буйная фантазия не разрисовала кадры, как из этих кустов сейчас выберется маньяк в шлеме.

— А если и выберется — я самолично первая заеду ему шлемом в лоб, — ворчу я, закидывая ногу через сиденье бай-

ка.

Ария коротко, нервно смеется. Пока я натягиваю кожаные перчатки, подруга бросает последний, сканирующий взгляд на темнеющий холм. И я отчетливо вижу по её лицу — ей до сих пор чертовски неспокойно. Дорога обратно к её дому проходит в абсолютном, гнетущем молчании. Но внутри нас обеих уже вовсю тлеет глухое, липкое предчувствие надвигающейся беды.

Утро.

Я бесшумно переступаю порог особняка мафии и крадусь на цыпочках по мраморному холлу, в тайной надежде, что все три моих новоиспеченных брата еще крепко спят в своих комнатах. Но, разумеется, удача сегодня не на моей стороне.

— И в какое конкретно время ты планировала почтить нас своим присутствием? — ледяной, неподъемный бас Массимо мгновенно разносится из глубины полутемного холла.

Я резко останавливаюсь на месте, застыв как вкопанная. Глубокий вдох. Медленный выдох. Поворачиваю голову на звук. Капо монументальной скалой стоит у колонны, сурово скрестив руки на груди, и его угольно-черные глаза буквально пригвоздили меня к полу.

— Доброе утро, — отзываюсь я с максимально беззаботным видом, будто вернулась с обычной утренней прогулки. — Или у вас здесь уже наступил день?

— Можешь уточнить этот волнующий вопрос на экране своего заблокированного телефона, — спокойно парирует

он, но от звенящей стали в его интонации по коже пробегает мороз.

Я упрямо поджимаю губы и принимаюсь неторопливо снимать куртку, аккуратно вешая её на плечики:

— Мэйсон был в курсе, куда именно я уехала.

— Мэйсон доставил тебя до места, — Массимо решительно отталкивается от каменной опоры и бесшумным шагом хищника подходит ко мне вплотную, нависая всей своей огромной фигурой. — Но он понятия не имел, что ты решишь остаться в том доме на всю чертову ночь без предупреждения. Ренайра, ты вообще своим девичьим мозгом осознаешь, что это значит?

— Это значит только то, что я провела ночь у своей единственной близкой подруги. А вы, судя по всему, развернули из этого полномасштабную спецоперацию с привлечением наружки?

— Это значит, что ты бесследно исчезла с радаров клана, — Массимо понижает голос до едва различимого, опасного шепота, но каждое его слово бьет наотмашь, словно скальпель. — Исчезла в огромном мегаполисе, где сейчас шныряет предостаточно ублюдков, готовых с огромным удовольствием перерезать тебе горло ради выгоды.

Я гордо вскидываю подбородок, принимая его удушающий взгляд:

— Я не твоя личная собственность, Капо. Если я уехала по своим делам — это еще не означает, что я совершила дерз-

кий побег из твоей золотой клетки. И да, так и быть... в следующий раз я, возможно, снизойду до того, чтобы черкнуть тебе короткое текстовое сообщение.

Старший брат долго, невыносимо долго всматривается в мое окаменевшее лицо. Его взгляд напряженный, жесткий, но глубоко на самом дне этих темных зрачков я внезапно улавливаю нечто совершенно иное. Тревога. Настоящий, глухой страх за мою жизнь. Та самая неподъемная ответственность, которую он сам не выбирал, но теперь упрямо несет на своих широких плечах как глава семьи.

— Если с тобой из-за твоей глупости случится хоть что-то непоправимое... я этого никогда не прощу, Ренайра. Ни самому себе. Ни тебе. Ты меня хорошо поняла?

Я картинно закатываю глаза к высокому потолку холла и пренебрежительно фыркаю:

— Боже, у меня сейчас такое чувство, будто я ночевала у какого-то левого парня, а не у своей проверенной подруги. Сколько драмы.

Массимо делает еще один стремительный шаг вперед, и его тон падает на несколько октав, угрожающе вибрируя:

— Не смей провоцировать меня, колючка. Мне что, нужно еще раз наглядно напомнить тебе, что по твоим следам всюду идет наш конченный отец?

— Я прекрасно помню об этом! — резко парирую я, и злость снова прорывает плотину самообладания. — И я далеко не маленькая, беспомощная девочка. Мне вообще-то

уже двадцать один год исполнился!

— Судя по твоему инфантильному поведению — тебе сейчас максимум лет десять, не больше, — утробно рычит Капо.

Я раздраженно закидываю голову назад, процедив сквозь плотно сжатые зубы:

— О-о-оффф... Ты сейчас это серьезно говоришь, Массимо?

— Более чем.

— Да ты в разы драматичнее меня, — бросаю я с чистым, ядовитым сарказмом.

Мужчина опасно прищуривается, и на его скулах ходуном ходят жесткие жилы:

— Я не драматизирую, Ренайра. Я в бешеной ярости. Потому что я понятия не имею, какое дерьмо происходит за твоей спиной, пока ты ведешь себя так, словно ты абсолютно бессмертная.

— А ты ведешь себя так, будто я твой очередной криминальный проект под усиленной военизированной охраной, а не живой человек, который много лет умеет заботиться о себе самостоятельно!

Пространство холла снова накрывает удушающая волна взаимного напряжения. Ни один из нас не собирается отступить ни на миллиметр, упрямо скрестив взгляды. Наконец Массимо делает тяжелый шаг назад и властным жестом указывает мне вглубь коридора:

— Марш на кухню. Поешь нормально хотя бы раз, прежде чем снова раствориться в тумане без предупреждения.

Я кручусь на каблуках, направляясь в указанную сторону, и на полпути язвительно бросаю ему через плечо:

— Спойлер: я всё равно не сообщу тебе, когда в следующий раз решу уйти.

— Я всё равно найду тебя, где бы ты ни зарылась, — спокойно, веско доносится мне в затылок его ответ.

Стоит мне повернуть за угол коридора в сторону просторной кухни, как до меня доносятся ленивые шаги. Из двустворчатых дверей как раз выходят Мэйсон и Картер. Средний брат мирно держит в ладони чашку с кофе, а на лице младшего, как и всегда, застыло его фирменное выражение «сейчас я выдам очередную порцию отборных язвительных колкостей».

— О, а вот и наша блудная рыжая сестричка соизволила доползти до замка, — тянет Картер с издевкой, медленно окидывая мою пыльную фигуру сканирующим взглядом с головы до ног. — Ну и как там поживает твой увлекательный девичник? Или на поверку это всё же оказался бурный мальчишник?

— И тебе доброго утречка, язва ходячая, — бурчу я себе под нос, демонстративно проходя мимо него вглубь помещения.

— Ты бы хоть короткую смс скинула для приличия, Рей, — гораздо более спокойно и ровно произносит Мэйсон, при-

слонившись к косяку. — Массимо с самого рассвета тут мечется, как тигр на короткой цепи. Жуткое зрелище.

— А я-то здесь каким боком виновата? — я раздраженно отмахиваюсь от его замечания, с глухим стуком распахивая дверцу огромного холодильника. — Ваш Капо сам себя знатно накрутил, сам пускай теперь и успокаивается как умеет.

Картер бросает быстрый, забавный взгляд на Мэйсона и кривит губы в самодовольной ухмылке:

— Нет, ты только посмотри на неё, брат. Она ведет себя с нами так, будто за её спиной стоит собственная обученная армия наемников. Хотя, если вдуматься в суть вещей... мы с тобой как раз и являемся её персональной армией. Как тебе масштаб такой иронии?

— Знаешь что, Картер, — отзываюсь я, даже не оборачиваясь к нему лицом и изучая полки с продуктами, — иногда мне искренне кажется, что если бы ты использовал свой рот не только для генерации уродливых язв, у тебя бы уже давно появилась нормальная девушка.

Младший брат весело усмехается, ничуть не задетый моим выпадом:

— А если бы ты, рыжая, использовала свой характер чуточку помягче, тебе бы, возможно, не приходилось решать абсолютно все свои проблемы при помощи упрямства и кулаков.

— Зато мои методы бьют без промаха и чертовски эффективны, — парирую я, наконец закрывая холодильник.

Опускаюсь на стул и принимаюсь молча наливать себе горячий чай из заварочного чайника. Мэйсон всё это время хранит молчание, внимательно наблюдая за нашей пикировкой, а затем наконец делает шаг к столу и произносит серьезным, глухим тоном:

— Что бы ты там ни задумала за нашей спиной, Ренайра... просто будь предельно осторожна. Особенно в ближайшие дни. До нас дошла проверенная информация из подполья: кое-кто очень могущественный вовсю интересуется в городе молодой девушкой с приметными огненно-рыжими волосами. Без конкретной фамилии в запросе. Просто четкое, детальное описание твоей внешности.

Я замираю на месте, так и не донеся кружку до губ. Сердце в груди делает трусливый кувырок, а затем пускается в тяжелый, неровный пляс.

— Что?.. Кто именно ищет?

Мэйсон хмуро качает взъерошенной головой:

— Пока ничего конкретного брокеры не говорят, имя заказчика скрыто. Но мы на всякий случай уже вдвое усилили охрану по всему периметру особняка и клуба. Просто... будь непрерывно начеку, Рей.

Картер подходит ближе к моему стулу и заметно понижает свой обычно наглый голос, отчего по спине пробегает легкий озноб:

— Ты можешь сколько угодно брыкаться и орать, что не желаешь быть частью нашего клана, рыжая. Но правда в том,

что наши враги уже вовсю видят в тебе наше самое слабое, уязвимое звено. А на такие мишени в криминальном мире охота открыта абсолютно всегда.

— И кто конкретно это может быть? — я резко отставляю кружку в сторону, отодвигаюсь от Картера на шаг и разворачиваюсь всем телом к Мэйсону. — Кто может интересоваться моей скромной персоной так, будто я какой-то ценный трофей или приз в лотерее?

Мэйсон спокойно и прямо встречает мой взволнованный взгляд:

— Как правильно заметил Массимо... это один из его злейших конкурентов в городе. Пока мы не раскопали его имя. Но этот ублюдок достаточно наглый и влиятельный, раз позволяет себе открыто задавать вопросы брокерам. И все его расспросы бьют четко по твоему описанию.

— Угу, конечно, — я издаю нервный смешок, пытаюсь защититься скепсисом. — Рыжая девчонка с паршивым характером и кучей шрамов. Да у нас в половине кварталов Нью-Йорка таких полно, если присмотреться.

Картер криво усмехается, качая головой, но Мэйсон на мою попытку отшутиться никак не реагирует. Он делает еще один веский шаг к моему столу:

— Это не случайное совпадение, Ренайра, даже не думай себя этим утешать. Поиски ведутся целенаправленно и методично.

Картер недовольно фыркает, опираясь о столешницу:

— Ты слишком громкая, яркая и колючая, Рыжая, чтобы оставаться незаметной тенью на этих улицах. А когда нечто настолько приметное официально становится нашей собственностью — враги синдиката тут же начинают точить свои клыки.

— Значит, для тебя я теперь просто «нечто»? Какая-то вещь? — вскидываюсь я, сверкая глазами.

— Это была обычная фигура речи, не заводишь на ровном месте, — Картер небрежно пожимает плечами. — Не кипятись.

Я игнорирую его и оборачиваюсь обратно к Мэйсону:

— И что конкретно вы трое собираетесь предпринимать в связи с этим?

— Мы уже вовсю действуем, Рей. Массимо выставил наружное наблюдение по всем твоим потенциальным маршрутам, наши люди плотно отслеживают любые подозрительные информационные запросы в сети. Если кто-то еще сунется в твою сторону — мы узнаем об этом первыми.

— А если... если это снова окажется он? — спрашиваю я почти беззвучным, сорвавшимся шепотом. Нам троим не нужно называть имен — они и так прекрасно понимают, какого именно монстра из моего детства я имею в виду. Нашего биологического отца, Роберта.

Мэйсон делает короткий, тяжелый кивок головой:

— Если это старик — мы доберемся до него раньше. Обещаю.

Я молча отвожу взгляд в сторону окна, потому что глубоко внутри меня кричит дикое нежелание знать эти страшные подробности. Кое-как закончив с чаем, я поднимаюсь к себе на второй этаж, принимаю быстрый душ и переодеваюсь в чистую одежду. В животе начинает раздражающе урчать — с самого утра я умудрилась выпить лишь стакан сока, и теперь мое тело буквально потряхивает от дикого голода.

Спускаясь обратно по лестнице в холл, я отчетливо слышу приглушенные, оживленные голоса, доносящиеся из просторной гостиной. Картер и Мэйсон о чем-то яростно спорят, перебивая друг друга. Я тихо подхожу ближе к дверному проему и облакачиваюсь плечом о деревянный косяк. До моего слуха долетает обрывок фразы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.